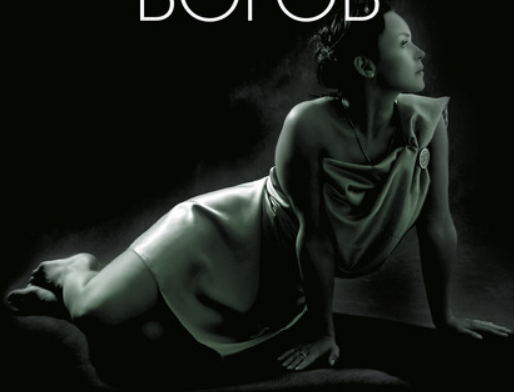

СИДНИ ШЕЛДОН

ПИСАТЕЛЬ #1 В МИРЕ!

МЕЛЬНИЦЫ
БОГОВ

Сидни Шелдон

Мельницы богов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19061869

Мельницы богов : [роман] / Сидни Шелдон: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-082564-6

Аннотация

Соглашаясь стать главой дипмиссии в небольшой европейской стране, Мэри Эшли надеялась, что напряженная работа поможет ей пережить личную драму.

Она была готова ко всему: к сложным переговорам, улаживанию международных скандалов, но никак не предполагала, что внезапно окажется в центре крупнейшего политического заговора...

Кто стоит за ним? И почему именно на нее начал охоту один из самых известных международных террористов?

Она должна понять это, пока не поздно... пока еще не стала его жертвой.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	58
Глава 6	76
Глава 7	94
Глава 8	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сидни Шелдон

Мельницы богов

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1987

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Посвящается Джоргии

*Все мы жертвы, Ансельмо. Наши судьбы
предопределены космическим жребием, звездными
ветрами и капризными вихрями, веющими с мельниц
богов.*

Г. Л. Дитрих. Приговор судьбы

Пролог

Перхо, Финляндия

Собрание проходило в уютном, недоступном для капризов погоды охотничьем домике, в глухой лесистой местности в двухстах милях от Хельсинки, неподалеку от границы с Россией. Члены западного отделения комитета прибывали незаметно, соблюдая меры предосторожности и с разными интервалами. Приехали они из восьми стран, но визит был без излишнего шума организован премьер-министром Государственного совета Финляндии, и в паспортах не ставилось въездной визы.

Каждого вновь приехавшего провожали в домик вооруженные охранники. С появлением последнего участника совещания дверь была заперта, и охрана заняла места на пронизывающем январском ветру, выглядывая малейшие признаки нежелательного вторжения.

Участники совещания, разместившиеся за большим прямоугольным столом, занимали высокое положение в правительствах своих стран. Они встречались и раньше, но при менее таинственных обстоятельствах и доверяли друг другу, поскольку иного выхода просто не было. В целях дополнительной безопасности каждому было присвоено кодовое имя.

Совещание продолжалось около пяти часов, и обсуждение

велось довольно бурно.

Наконец председатель решил, что пора голосовать. Поднялся во весь свой немалый рост и повернулся к человеку, сидевшему справа:

– Сигурд?

– Да.

– Один?

– Да.

– Бальдр?

– Мы слишком спешим. Если это откроется, наши жизни будут...

– «Да» или «нет», пожалуйста.

– Нет.

– Фрейр?

– Да.

– Зигмунд?

– Nein¹. Опасность...

– Тор?

– Да.

– Тир?

– Да.

– Я голосую «за». Решение вынесено. Я уведомлю Контролера. При следующей встрече я оглашу его рекомендацию относительно персоны, наиболее подходящей для выполнения задания. Пожалуйста, соблюдайте обычные предо-

¹ Нет (нем.). – Здесь и далее примеч. пер.

сторожности и выходите с двадцатиминутными интервалами. Благодарю вас, джентльмены.

Через два часа сорок пять минут домик опустел. В дело вступила бригада специалистов с канистрами керосина и подожгла его. Ветер раздувал жадные огненные языки.

Когда из Перхо прибыла команда пожарных, от домика остался только остов. Кое-где на снегу еще тлели угольки.

Заместитель брандмайора подошел ближе, понюхал пепел и чихнул.

– Керосин. Поджог.

Брандмайор озадаченно оглядел то, что осталось от домика.

– Странно, – пробормотал он.

– Что именно?

– На прошлой неделе я охотился в этом лесу. Здесь вообще не было никакого домика.

Часть первая

Глава 1

Вашингтон, округ Колумбия

Стентону Роджерсу самой судьбой было предназначено стать президентом Соединенных Штатов. Он был харизматичным политиком, пользующимся любовью публики и поддержкой влиятельных друзей. К несчастью для Роджерса, либидо поставило крест на его карьере. Как выражались умные головы в Вашингтоне, «старина Стентон дотрахался до ручки, так что постельные забавы вышибли его из президентской кампании еще до ее начала».

Не то чтобы Стентон Роджерс воображал себя Казановой. Наоборот, до одной фатальной любовной эскапады он был идеальным мужем. Красивый и богатый претендент на одну из самых значительных в мире должностей, и хотя Стентону выпадало немало возможностей изменять жене, у него и в мыслях не было ничего подобного.

Возможно, еще большая ирония заключалась в том, что Элизабет, жена Стентона, была общительна, прекрасна и умна. У них нашлось немало общих интересов, в то время как Барбара, женщина, на которой Роджерс женился после широко освещенного в СМИ развода, была на пять лет старше

его и могла считаться скорее приятной, чем хорошенькой, да и не было между ними, казалось, ничего общего. Стентон занимался спортом, Барбара ненавидела любые физические упражнения. Стентон был человеком компанейским; Барбара предпочитала одиночество. Самым большим сюрпризом для тех, кто знал Стентона Роджерса, стали политические разногласия: Стентон был либералом, а Барбара выросла в семье ультраконсерваторов.

– Ты, должно быть, спятил, старик! – воскликнул Пол Эллисон, ближайший друг Стентона. – Вы с Лиз почти попали в Книгу Гиннеса как самая идеальная супружеская пара. Не можешь же ты пустить все на ветер ради одноразового секса!

– Отвали, Пол, – сухо ответил Стентон. – Я влюблен в Барбару. И как только получу развод, мы поженимся.

– Ты хоть представляешь, что будет с твоей карьерой?

– Половина браков в этой стране заканчивается разводами. Ничего с моей карьерой не сделается, – отмахнулся Роджерс.

Но пророк из него не вышел. Новость об ожесточенной битве между адвокатами разводящихся супругов стала манной небесной для прессы, и «желтые» газеты безобразно раздули сенсацию, поместив снимки любовного гнездышка Роджерса и изложив подробности тайных полуночных свиданий. Скандал длился долго и когда наконец исчерпал себя, влиятельные друзья, поддерживавшие Стентона в его стремлении к посту президента, исчезли без лишнего шума. И на-

шли для этой миссии нового рыцаря в белых одеждах: Пола Эллисона.

Эллисон был надежным выбором, хотя не имел ни харизмы, ни выигрышной внешности Роджерса. Зато он был умен, симпатичен и безупречен. Правда, не вышел ростом, но обладал правильными чертами лица и искренними голубыми глазами. Последние десять лет он пребывал в счастливом браке с Алисой, дочерью стального магната. Они считались нежной и любящей парой.

Как и Стентон, Пол учился в Йеле и окончил юридический факультет Гарварда. Они росли вместе. Их семьям принадлежали соседние летние дома в Саутгемптоне. Мальчики плавали, играли в бейсбол, а позже ходили на свидания. В Гарварде они учились в одной группе. Эллисон был хорошим студентом. Но лучшим оказался Роджерс. Его отец являлся старшим партнером в престижной адвокатской фирме на Уолл-стрит, и летом Стентон там работал. Ему удалось договориться и о работе для Пола. После окончания юридического факультета политическая звезда Стентона Роджерса стремительно взмыла ввысь, и будь он кометой, Пол Эллисон оказался бы ее хвостом.

Развод изменил все. Теперь Стентон Роджерс стал придатком к Полу Эллисону. Дорога на вершину горы заняла почти пятнадцать лет. Эллисон проиграл выборы в сенат, выиграл следующие и за несколько лет стал известным, крас-

норечивым и опытным законодателем. Он боролся против чрезмерных расходов правительства и вашингтонской бюрократии, был популистом и верил в международную разрядку. Когда его попросили выдвинуть кандидатуру нынешнего президента, идущего на перевыборы, он произнес блестящую, страстную речь, целиком завладев вниманием счастливых слушателей.

Еще через четыре года Пол Эллисон был избран президентом Соединенных Штатов. И первым делом назначил Стентона Роджерса своим советником по внешней политике.

Теория Маршалла Маклюэна, что телевидение превратит мир в одну большую деревню, стала реальностью: церемонии инаугурации сорок второго президента Соединенных Штатов показали по спутниковому телевидению в ста девяноста странах.

Бен Кон, бывалый репортер «Вашингтон пост», сидел в «Черном петухе», вашингтонской забегаловке для прессы, в компании четверых коллег и наблюдал за церемонией инаугурации по большому телевизору, укрепленному над баром.

– Сукин сын стоил мне пятьдесят баксов, – пожаловался один из репортеров.

– Я предупреждал тебя: не ставь против Эллисона, – упрекнул Бен Кон. – Он волшебник, детка, и тебе лучше в это поверить.

Камера повернулась в сторону огромной толпы, собравшейся на Пенсильвания-авеню. Люди кутались в теплые пальто и куртки, спасаясь от ледяного январского ветра, чтобы услышать речь президента через динамики, расставленные вокруг. Джейсон Мерлин, председатель Верховного суда Соединенных Штатов, произнес последние слова присяги, и новый президент, пожав ему руку, шагнул к микрофону.

– Эти идиоты готовы отморозить задницы на таком ветру, – заметил Бен Кон. – Знаете, почему они не сидят дома, как все нормальные люди, глядя на все по телевизору?

– Почему?

– Потому что этот человек делает историю, друзья мои. Когда-нибудь они будут рассказывать детям и внукам, что присутствовали на инаугурации Пола Эллисона. И хвастаться: «Я стоял так близко, что мог бы его коснуться».

– Ты циник, Кон.

– И горжусь этим. Все политики в мире сделаны из одного теста. И хотят одного: выжать из своего поста как можно больше. Поймите, парни, наш новый президент – либерал и идеалист. Умному человеку этого достаточно, чтобы страдать бессонницей или кошмарами. Я определяю либерала так: человек, задница которого намертво застряла в облаках из ваты.

Но говоря по правде, Бен Кон был не столь циничен, как представлялся. Он давно освещал карьеру Пола Эллисона и хотя вначале не слишком обольщался, по мере того как тот

поднимался по политической лестнице, постепенно менял свое мнение. Этот политик не был марионеткой. Но оказался дубом в ивовой роще.

За окном полил ледяной дождь. Бен Кон, понадеявшись, что такая погода не станет предзнаменованием на последующие четыре года, снова повернулся к телевизору.

– Президентство Соединенных Штатов – это факел, который зажигается американским народом и передается из рук в руки каждые четыре года. Этот факел, доверенный мне, – самое могучее на свете оружие. Достаточно могучее, чтобы сжечь нашу цивилизацию или стать маяком, который осветит путь в будущее и нам, и всему миру. Выбор остается за нами. Сегодня я говорю не только с нашими союзниками, но и со странами советского блока. Теперь, когда мы стоим на пороге двадцать первого века, я заявляю им: у нас больше нет причин для конфронтации. Мы должны сделать реальностью понятие «единый мир». Последствиями любого другого курса может стать только холокост, от которого не оправится ни один народ. Я прекрасно сознаю, какая бездонная пропасть лежит между нами и странами за «железным занавесом», но первейшей обязанностью этой администрации станет строительство нерушимых мостов через пропасти.

В его словах звучала глубочайшая, неподдельная искренность.

«Он действительно так считает, – подумал Бен. – Надеюсь, никому не придет в голову прикончить этого парня».

В Джанкшн-Сити, штат Канзас, выдался не слишком приятный день, унылый, сырой, и снег валил так, что видимость на дороге была почти нулевой. Мэри Эшли осторожно вела свой «универсал» по середине шоссе, уже очищенному снегоуборочными машинами. Из-за метели она наверняка опоздает на лекцию.

Но приходилось ехать медленно, чтобы автомобиль не занесло в сторону.

Из приемника донесся голос президента:

«...многие еще настаивают на том, чтобы Америка строила крепостные рвы, вместо того чтобы наводить мосты. Я отвечаю на это: мы больше не можем обрекать себя и своих детей на будущее, которому из-за глобальной конфронтации грозит ядерная война».

Мэри была рада, что голосовала за него. Пол Эллисон будет великим президентом.

Снегопад превратился в слепящий белый водоворот, и она крепче вцепилась в руль.

Тем временем в Сен-Круа солнце сияло в безоблачном лазурном небе, но Гарри Ланц не собирался выходить: ему хватало развлечений дома. Он валялся в постели, голый, зажатый между сестричками Долли. Впрочем, по его мнению, высокая натуральная брюнетка Анетт и высокая натуральная блондинка Салли сестрами как раз и не являлись. Но Ланцу

было в высшей степени плевать, кровные они родственницы или нет. Важно, что они настоящие знатоки своего дела и заставляют Ланца стонать от наслаждения.

В глубине номера мотеля на телеэкране мелькало лицо президента.

«...потому что я верю: нет проблемы, которую нельзя было бы решить искренней доброй волей с обеих сторон. Бетонная стена вокруг Восточного Берлина и “железный занавес”, окружающий Советский Союз и его сателлитов, должны быть разрушены».

Салли приостановилась, чтобы спросить:

– Милый, может, выключить эту чертову штуку?

– Оставь. Я хочу послушать, что он скажет.

Анетт подняла голову:

– Ты голосовал за него?

– Эй, вы, двое! За работу!!! – заорал Гарри.

«Как вам известно, три года назад, после смерти президента Румынии Николае Чаушеску, страна разорвала дипломатические отношения с Соединенными Штатами. Хочу сообщить, что мы обратились к правительству Румынии и ее президенту Александру Ионеску, и он согласился восстановить дипломатические отношения с нашей страной».

Толпа на Пенсильвания-авеню разразилась приветственными криками.

Гарри так внезапно сел, что зубы Анетт вонзились в его пенис.

– Иисусе Христе! – взвыл Ланц. – Я уже перенес обрезание! Какого хрена ты вытворяешь?

– Но зачем же ты вскочил, милый?

Ланц словно не слышал ее. Его глаза были прикованы к телевизору.

«Одним из первых официальных актов правительства станет назначение посла в Румынию, – продолжал президент. – И это только начало...»

В Бухаресте уже спускались сумерки. Зима отступила, и у магазинов выстроились огромные очереди.

Румынский президент Александру Ионеску сидел в своем кабинете в Пелеше, старом дворце на Кале Виктора, и в окружении полудюжины советников слушал передачу по коротковолновому приемнику.

«...Я не собираюсь останавливаться на этом. Албания разорвала дипломатические отношения с Соединенными Штатами еще в сорок шестом году. Я намереваюсь восстановить эти связи, а кроме того, укрепить наши дипломатические отношения с Болгарией, Чехословакией и Восточной Германией».

Голос президента заглушили радостные крики и аплодисменты.

«Назначение нашего посла в Румынию – это начало всемирного движения народной дипломатии». Не стоит забы-

вать, что человечество имеет общие корни, общие проблемы и общую судьбу. Давайте помнить, что у нас больше общего, чем проблем, которые нас разделяют, к тому же мы сами создаем их».

На усиленно охраняемой вилле в Нейи, одном из предместь Парижа, лидер румынского революционного движения Марин Гроза тоже смотрел церемонию по второму каналу телевидения.

«...Я обещаю сделать все от меня зависящее и потребую того же от остальных».

Аплодисменты длились целых пять минут.

– Думаю, Лев, наше время пришло, – задумчиво протянул Марин Гроза. – Он действительно собирается сделать все возможное.

– Но разве это не поможет Ионеску? – спросил Лев Пастернак, начальник охраны Марина.

Тот покачал головой:

– Ионеску – тиран, так что в итоге ему ничто не поможет. Но я должен тщательно спланировать удар. Я потерпел неудачу, пытаюсь свергнуть Чаушеску. Больше такого не повторится.

Пит Коннорс был пьян, но не до такой степени, как бы ему хотелось. Он заканчивал пятую порцию виски, когда Нэнси, секретарь, с которой он жил, спросила:

– Не считаешь, что с тебя достаточно, Пит?

Он улыбнулся и ударил ее по лицу.

– Наш президент говорит! Не мешало бы выказать ему уважение.

Пит повернулся и уставился в телевизор.

– Ты, коммунистический сукин сын! – заорал он. – Это моя страна, и ЦРУ ее не отдаст! Мы остановим тебя, Чарли, остановим, можешь даже не сомневаться!

Глава 2

– Мне понадобится твоя помощь, дружище, – вздохнул Пол Эллисон.

– И ты ее получишь, – спокойно ответил Стентон Роджерс. Они находились в Овальном кабинете. Президент сидел за письменным столом, на фоне американского флага. Это была их первая встреча здесь, и президенту Эллисону было не по себе. Он думал, что, не соверши Стентон той единственной ошибки, сейчас он сидел бы за письменным столом вместо него.

Словно прочитав его мысли, Роджерс сказал:

– Мне нужно кое в чем признаться. Когда тебя выдвинули на пост президента, я чертовски завидовал. Потому что ты осуществил мою мечту. Но знаешь что? Я наконец осознал: если не смог сесть в это кресло, то не хочу видеть здесь никого, кроме тебя. Это место тебе подходит.

Пол улыбнулся:

– Честно говоря, Стен, эта комната пугает меня до полусмерти. Я просто чувствую призраки Вашингтона, Линкольна и Джефферсона.

– У нас были и другие президенты...

– Знаю. Но эти – великие, и я постараюсь быть их достойным.

Он нажал кнопку на столе, и в комнате тут же появился

официант в белом пиджаке.

– Да, мистер президент?

– Кофе? – обратился Пол к Роджерсу.

– Звучит неплохо.

– А что-нибудь к кофе?

– Нет, спасибо. Барбара хочет, чтобы я следил за своим весом.

Президент кивнул официанту. Тот бесшумно покинул кабинет.

БАРБАРА. Она удивила всех. По Вашингтону ходили сплетни, что брак не продлится и года. Но прошло почти пятнадцать лет, и союз оказался на редкость прочным. Стентон открыл в Вашингтоне успешную адвокатскую практику, а Барбара заслужила репутацию гостеприимной хозяйки.

Пол поднялся и принялся ходить по комнате.

– Моя речь вызвала настоящий фурор. Полагаю, ты видел газеты.

Стентон пожал плечами:

– Ты их знаешь. Обожают создавать героев, чтобы потом их низвергнуть.

– Откровенно говоря, плевать мне на газеты. Интереснее, что говорят люди.

– Хочешь начистоту? Ты насмерть перепугал очень многих. Военные против твоего плана, и часть сильных мира сего с радостью восприняли бы его провал.

– Этого не будет.

Пол откинулся на спинку кресла.

– Знаешь самую большую проблему этого мира? Настоящие государственные деятели исчезли. Странами управляют политики. Не так давно землю населяли гиганты. Некоторые были добрыми, другие – злыми, но, клянусь Богом, все оставались гигантами. Рузвельт и Черчилль, Гитлер и Муссолини, Шарль де Голль и Иосиф Сталин. Почему все они жили в одно время? Почему сейчас совершенно перевелись государственные деятели?

– Трудно выглядеть гигантом на телевизионном экране.

Появился официант с серебряным подносом, на котором стояли кофейник и две чашки с рисунком в виде президентской печати, и умело разлил кофе.

– Что-нибудь еще, мистер президент?

– Нет, Генри. Это все. Спасибо.

Президент дождался, когда тот выйдет.

– Я хочу поговорить с тобой. Нужно найти подходящую кандидатуру на должность посла в Румынии.

– Вопрос сложный.

– Ты знаешь, насколько это важно. Я хочу, чтобы ты действовал как можно быстрее.

Стентон глотнул кофе и поднялся:

– Немедленно озадачу Госдепартамент.

В маленьком предместье Нейи было два часа ночи. Виллу Марина Грозы окутала чернильная тьма. Луна пряталась

за густыми грозowymi облаками. В этот час на улицах было пустынно, тишину нарушали лишь шаги редкого прохожего. Фигура в черном бесшумно скользила среди деревьев к кирпичной ограде, окружавшей виллу. На плече неизвестный нес веревку и одеяло. В руках он держал «узи» с глушителем и игольчатое ружье. Добравшись до ограды, человек остановился и прислушался. И замер минут на пять.

Наконец, удовлетворенно кивнув, он размотал нейлоновую веревку, забросил абордажный крюк, закрепив его на краю ограды, и стал подниматься. Добравшись до верха, неизвестный накинул на него одеяло, чтобы защититься от отравленных металлических шипов, вделанных в кирпичи. И снова прислушался. Затем перевернул крюк, спустил веревку по другую сторону ограды и соскользнул на землю, проверив, висит ли на поясе балисонг, смертоносный филиппинский нож-бабочка, открывающийся легким взмахом руки.

Следующим препятствием станут боевые псы. Непрошенный гость присел у стены, ожидая, пока они учуют его запах. Три добермана были натасканы на убийство людей, но это только первая преграда. Участок и вилла, напичканные электронными устройствами, находились под непрерывным наблюдением телекамер. Вся почта и посылки принимались в сторожке и немедленно распечатывались охранниками. Двери виллы были бронированными. Здесь имелось собственное водоснабжение, и специальный дегустатор пробовал еду,

подаваемую на стол.

Вилла была неприступной.

Предположительно.

Фигура в черном появилась сегодня ночью, чтобы опровергнуть это.

Человек услышал сопение мчавшихся собак, еще не видя их. Они вылетели из темноты, готовые вцепиться в его горло. Их было две. Он прицелился из игольчатого ружья и выстрелил сначала в левую, потом в правую, ловко увернувшись от бьющихся тел. Развернулся, дождался третьего пса, выстрелил снова, и на этот раз наступила тишина.

Незнакомец знал, что в земле спрятаны ультразвуковые ловушки, и сумел их обойти. Он ловко скользил по участкам, находящимся вне зоны обзора видеокамер, и менее чем через две минуты оказался у черного хода виллы.

И уже потянулся к двери, как вспыхнул ослепительный свет.

– Замри! – послышался окрик. – Брось ружье и подними руки!

Человек в черном осторожно уронил ружье и посмотрел вверх. На крыше лежали не менее дюжины охранников и целились в него из разных видов оружия.

– Какого хрена вы так долго? – проворчал человек в черном. – Я не должен был зайти столь далеко.

– Ты и не зашел, – возразил старший охранник. – Мы отслеживали тебя еще до того, как ты перебрался через ограду.

Но Лев Пастернак был неумолим:

– В таком случае вы должны были остановить меня раньше. А если бы я был смертником с кучей гранат или чертовым минометом? Завтра утром ровно в восемь собери весь штат. Собак я усыпил. Пусть за ними присмотрят, пока не очнутся.

Лев Пастернак гордился репутацией лучшего охранника. Он был пилотом во время Шестидневной войны в Израиле, а после нее стал ведущим агентом МОССАДа, одной из израильских секретных служб.

Он никогда не забудет то утро два года назад, когда его вызвали к полковнику.

– Лев, кое-кому ты будешь нужен в течение нескольких недель.

– Надеюсь, какой-нибудь блондинке, – пошутил он.

– Это Марин Гроза.

В МОССАДе имелось досье на румынского диссидента. Гроза – лидер народного движения против Александру Ионеску – уже готовился поднять восстание, но был предан одним из своих людей и едва избежал ареста и казни. Франция предоставила ему политическое убежище. Ионеску объявил Грозу государственным изменником и назначил награду за его голову. Несколько попыток покончить с Грозой провалились, но во время последнего покушения он был ранен.

– Что ему от меня нужно? – спросил Пастернак. – Он под

защитой государства.

– Этого недостаточно. Ему необходимо установить надежную систему безопасности. Он пришел к нам. Я рекомендовал тебя.

– Мне придется ехать во Францию?

– Это займет всего несколько недель.

– Я не...

– Лев, мы говорим о достойном человеке. Необычном. По нашей информации, у него достаточная поддержка в родной стране, чтобы сбросить Ионеску. Когда настанет время, он сделает свой ход. Ну а пока нам нужно сохранить ему жизнь.

Лев немного подумал.

– Говоришь, несколько недель?

– Конечно.

Полковник ошибся во времени, но не насчет Марина Грозы. Тот оказался худым, хрупким аскетом с лицом, на котором, казалось, навеки выгравирована скорбь. Орлиный нос, твердый подбородок и широкий лоб, увенчанный гривой белых волос. Стоило ему заговорить, и глубоко посаженные черные глаза загорались страстью.

– Мне трижды плевать, буду я жить или умру, – заявил он Льву при первой встрече. – Мы все когда-нибудь умрем. Не это меня волнует. Я должен продержаться еще год-другой и за это время изгнать Ионеску из страны.

Он рассеянно провел ладонью по жуткому шраму на щеке.

– Ни один человек не имеет права порабощать страну. Нужно освободить Румынию и позволить людям решать собственную судьбу.

Лев занялся системой безопасности виллы в Нейи. Задействовал кое-кого из своих людей, а те, кого нанял, прошли тщательную проверку. Каждый элемент охранной системы являлся настоящим произведением искусства.

Пастернак ежедневно виделся с румынским мятежником и чем больше времени проводил с ним, тем сильнее восхищался. Когда Гроза попросил Пастернака стать начальником его охраны, тот не колебался.

– Я согласен, пока вы не будете готовы выступить. Тогда я вернусь в Израиль.

Они ударили по рукам.

Пастернак постоянно проверял систему безопасности. И теперь посчитал, что некоторых охранников придется заменить.

Он прошел по коридору, тщательно обследуя датчики тепла, электронную сигнализацию и инфракрасные лучи у дверных порогов. Добравшись до спальни Марина Грозы, он услышал оглушительный грохот и секунду спустя – отчаянные вопли хозяина.

Лев Пастернак миновал комнату и двинулся дальше по коридору.

Глава 3

Штаб-квартира ЦРУ находится на берегу Потомака, в Лэнгли, штат Виргиния, в семи милях к северо-западу от Вашингтона. На воротах укреплен красный проблесковый маячок. Сторожевое помещение охраняется двадцать четыре часа в сутки, а посетителям, имеющим разрешение на вход, выдают цветные бейджики, открывающие доступ лишь в нужный им отдел. Перед серым семиэтажным зданием, шуточно прозванным «Игрушечной фабрикой», стоит статуя Натана Хейла².

На первом этаже стеклянная стена коридора выходит во внутренний двор с ландшафтным садом, где растут магнолии.

Над столом секретаря в приемной красуется высеченное на мраморе изречение:

«И ты узнаешь правду.

И правда сделает тебя свободным».

Обычную публику в здание не пускают, и здесь нет комнат для посетителей. Для желающих войти незаметно для посторонних глаз имеется тоннель, ведущий к лифтовой площадке. За кабинками с дверями красного дерева круглые сутки следит команда охранников в серой фланелевой униформе.

² Офицер, геройски погибший за родину во время Войны за независимость.

В конференц-зале седьмого этажа, перед которым стоят помощники секьюрити, прячущие под деловыми костюмами тупоносые револьверы тридцать восьмого калибра, шло совещание. Вокруг большого дубового стола сидели директор ЦРУ Нед Тиллингаст, главный начальник штаба армии генерал Оливер Брукс, госсекретарь Флойд Бейкер, начальник контрразведки Пит Коннорс и Стентон Роджерс.

Неду Тиллингасту было за шестьдесят. Холодный, сдержанный человек, обремененный мрачными секретами. В ЦРУ есть темное и светлое отделения. Темное ведаёт нелегальными операциями, и последние семь лет Тиллингаст руководил четырьмястами пятьюдесятью служащими, работавшими здесь.

Генерал Оливер Брукс был типичным солдатом, выпускником Уэст-Пойнта, чья личная и профессиональная жизнь проходила согласно присяге. Он усердно и преданно служил компании, только компания, на которую он работал, называлась армией Соединенных Штатов.

Госсекретарь Флойд Бейкер был ходячим анахронизмом, осколком прошлой эпохи. Типичный южанин: высокий, седовласый, величественный, известный своей старомодной галантностью и необычайным складом ума. Он владел сетью влиятельных газет по всей стране и, по слухам, был невероятно богат. В Вашингтоне не существовало второго человека с таким острым политическим чутьем, и антенны Бейкера

чутко улавливали постоянно меняющиеся сигналы в залах конгресса.

Пит Коннорс, черный ирландец³, упертый бульдог, сильно пьющий и бесстрашный. Это был его последний год службы в ЦРУ. В июне ему предстоял неизбежный уход на покой. Коннорс был шефом контрразведки, наиболее секретного, разделенного на множество секторов отделения ЦРУ. Он начал карьеру с низов, работал в различных отделах разведки и еще помнил добрые старые времена, когда агенты ЦРУ считались золотыми парнями. Пит Коннорс и сам был таким. Он участвовал в перевороте, вернувшем шаху Ирана Павлиний трон, а также в операции «Мангуст» – неудачной попытке свергнуть правительство Кастро в шестьдесят первом.

– После залива Свиней все изменилось, – сетовал он время от времени. Продолжительность тирад обычно зависела от количества выпитого. – Эти ничтожества нападали на нас с газетных страниц всего мира. Называли шайкой лживых, трусливых клоунов, которые путаются у самих себя под ногами. Какой-то подлый ублюдок, возненавидевший ЦРУ, опубликовал имена наших агентов, и Дик Уэлч, начальник отделения в Афинах, был убит.

За плечами Пита осталось три развалившихся из-за тягот секретной работы брака, но, по его мнению, нет жертвы, которую нельзя было бы принести ради страны.

³ Обычно черными ирландцами называют ирландцев со смуглой кожей, черно-волосых и кареглазых.

Теперь, в разгар совещания, лицо его медленно наливалось кровью:

– Если мы спустим с рук президенту его чертову программу «народной дипломатии», он пустит страну по ветру. Это необходимо остановить. Мы не можем позволить...

– Президент приступил к должности менее недели назад, – перебил Флойд Бейкер. – Все мы обязаны поддерживать его политику и...

– Я здесь не для того, чтобы поднести свою страну на блюдечке чертовым комми, мистер. До той речи президент даже не упоминал о своем плане. Просто вывалил его нам на головы – и все. Не дал ни малейшего шанса собраться с мыслями и подготовить возражения.

– Возможно, именно так и было задумано, – предположил Бейкер.

Пит Коннорс уставился на него:

– Богом клянусь, ты с ним согласен!

– Он мой президент, – твердо заявил Бейкер. – Так же как и ваш.

– Коннорс во многом прав, – обратился Тиллингаст к Роджерсу. – Президент действительно собирается позволить Румынии, Болгарии, Албании и другим коммунистическим странам присылать сюда своих шпионов под видом атташе по культуре, водителей, секретарей и горничных. Мы тратим миллиарды долларов на охрану черного хода. А президент готов распахнуть парадную дверь.

Генерал Брукс согласно кивнул:

– Со мной тоже не консультировались. По моему мнению, план президента реально способен уничтожить страну.

– Джентльмены, – вмешался Стентон, – кое-кто из нас может не соглашаться с президентом, но не стоит забывать, что народ проголосовал за Пола Эллисона как главу этой страны. – Он окинул взглядом сидевших за столом людей. – Все мы часть президентской команды и должны следовать его указаниям и поддерживать чем только можем.

Его слова были встречены сдержанным молчанием.

– Ладно. Президент хочет немедленно получить оценку существующего в Румынии положения. Все, что у вас есть.

– Включая донесения наших агентов под прикрытием? – уточнил Пит Коннорс.

– Все. И сделать это нужно немедленно. Каково положение в Румынии при Александру Ионеску?

– Ионеску очень амбициозен. Считает себя неуязвимым, – ответил Нед Тиллингаст. – После расправы с семьей Чаушеску сторонники последнего были казнены, арестованы или сосланы. Захватив власть, он высасывает из страны все соки. Люди смертельно его ненавидят.

– Как насчет возможности революции?

– А вот это довольно интересно, – заметил Тиллингаст. – Помните, как пару лет назад Марин Гроза едва не свергнул правительство Ионеску?

– Да. Грозе чудом удалось спасти свою шкуру.

– С нашей помощью. По поступающей информации, сейчас сложилась подходящая обстановка, чтобы вернуть его. Гроза будет полезен Румынии и, если сумеет внедриться, нам тоже. Мы внимательно наблюдаем за ситуацией.

Стентон взглянул на госсекретаря:

– У вас есть список кандидатов на должность посла в Румынии?

Флойд открыл кожаный «дипломат», вынул стопку бумаг и передал копию Роджерсу.

– Наши лучшие. Квалифицированные дипломаты. Каждого тщательно проверили. Никаких проблем и позорных скелетов в шкафу.

Едва Стентон взял список, госсекретарь добавил:

– Естественно, Госдепартамент высказывается в пользу профессиональных дипломатов, а не политиков. Тех, кого обучали именно этой работе. Особенно в данной ситуации. Румыния подобна пороховой бочке, и действовать там нужно крайне осторожно.

– Согласен.

Роджерс поднялся.

– Я обсужу список с президентом и сообщу вам. Он намерен назначить посла как можно скорее.

Пока остальные вставали, Нед Тиллингаст сказал:

– Оставайтесь, Пит. Я хочу с вами поговорить.

Когда они оказались одни, Тиллингаст покачал головой:

– Вы высказались чересчур резко, Пит.

– Но я прав, – упрямо возразил тот. – Президент пытается продать страну. Что мы должны делать?

– Держать рот на замке.

– Нед, нас учили искать и убивать врагов. А если враг оказался в наших рядах и сидит в Овальном кабинете?

– Будь осторожен. Крайне осторожен.

Тиллингаст был опытнее и повидал больше Пита Коннора. Он являлся членом Управления стратегических служб, созданного «Диким Биллом» Donovanом, отцом современного шпионажа, прежде чем оно превратилось в ЦРУ. Он тоже ненавидел мягкотелых конгрессменов и то, что они делали с его любимой организацией. Собственно говоря, в рядах ЦРУ существовал глубокий раскол между сторонниками жесткой линии и теми, кто верил, будто русского медведя можно укротить, превратив в домашнего питомца.

«Нужно бороться за каждый доллар, – подумал Тиллингаст. – Ведь в Москве КГБ готовит тысячи агентов».

Нед завербовал Пита еще в колледже, и тот оказался одним из лучших. Но за последние несколько лет Коннорс превратился в ковбоя – слишком независимого, всегда готового прежде спустить курок, а уж потом выяснить отношения. Опасного.

– Пит, ты что-нибудь слышал о подпольной организации, называющейся «Патриоты свободы»? – осведомился Тиллингаст.

Коннорс нахмурился:

– Нет. Ничего не могу сказать. Кто они?

– Пока это лишь слухи. Дым без огня. Попробуй что-нибудь нарыть.

– Будет сделано.

Час спустя Пит Коннорс позвонил из телефона-автомата на Хейнс-Пойнт.

– У меня сообщение для Одина.

– Один у телефона, – откликнулся генерал Оливер Брукс.

Возвращаясь в офис в своем лимузине, Стентон Роджерс открыл конверт со списком кандидатов на должность посла и стал его изучать. Превосходный выбор! Госсекретарь прекрасно выполнил задание. Все кандидаты служили в странах Восточной и Западной Европы, а некоторые еще и на Дальнем Востоке и в Африке. Президент будет доволен!

– Все они динозавры, – отрезал Пол Эллисон, швырнув список на письменный стол. – Все до единого.

– Пол, – запротестовал Стентон, – эти люди – профессиональные дипломаты.

– Ограниченные, узколобые, закоснелые в традициях Госдепа. Помнишь, как три года назад мы потеряли Румынию? Профессиональный дипломат в Бухаресте с треском провалил дело, и нас оттуда вышибли. Парни в деловых костюмах не внушают мне доверия. Все они стремятся прежде

всего прикрыть собственные задницы. Я совершенно серьезно говорил о программе «народной дипломатии». Необходимо произвести положительное впечатление на страну, которая в настоящее время относится к нам крайне настороженно.

– Но ты рискуешь, посылая туда неопытного дилетанта.

– Может, нам нужен кто-то с несколько иным опытом. Румыния станет нашим испытательным полигоном. Пилотным прогоном всей программы, если угодно, – пояснил Пол и, поколебавшись, добавил: – Я не обманываюсь. На кону стоит доверие ко мне. Я знаю, что многие влиятельные люди не желают, чтобы программа сработала. Если она провалится, считай, меня подрубят под корень. Придется забыть о Болгарии, Албании, Чехословакии и других странах за «железным занавесом». А я не желаю, чтобы это случилось.

– Я могу проверить некоторых дипломатов, бывших политиков, которые...

Президент покачал головой:

– Та же проблема. Мне нужен кто-то с совершенно нестандартным типом мышления. Способный растопить лед. Полная противоположность ненавистным американцам.

Стен озадаченно уставился на президента:

– Пол... по-моему, ты уже имеешь кого-то в виду. Так?

Пол вынул из хьюмидора сигару и зажег.

– Собственно говоря, – медленно произнес он, – пожалуй, есть.

– Кто он?

– Она. Случайно, не видел статью «Разрядка сегодня» в последнем номере журнала «Форин афферс»?

– Видел.

– Что ты о ней думаешь?

– Мне она показалась интересной. Автор уверен, что мы способны переманить коммунистические страны в свой лагерь, предложив им новую экономику и... – Он вдруг осекся. – А ведь это очень похоже на твою инаугурационную речь!

– Только написано на полгода раньше. Она публиковала блестящие статьи в журналах «Комментари» и «Паблик афферс». Я читал ее книгу о политике Восточной Европы и должен признать, она помогла прояснить кое-какие мои идеи.

– Прекрасно. Итак, она согласна с твоими теориями. Но нет причин рассматривать ее назначение...

– Стен, она пошла дальше моих теорий. Вкратце изложила блестящий детальный план. Хочет объединить четыре основных мировых экономических договора.

– Но как мы можем...

– Это займет немало времени, но вполне достижимо. Послушай, ты знаешь, что в сорок девятом страны Восточного блока подписали договор экономической взаимопомощи, СЭВ, а в пятьдесят восьмом остальные европейские страны заключили другой договор: ЕЭС, Европейское экономиче-

ское сообщество. Общий рынок.

– Верно.

– У нас имеется Организация экономического сотрудничества и развития, включающая Соединенные Штаты, несколько стран Западного блока и Югославию. И не забывай, что страны «третьего мира» создали не входящее в блоки движение, исключаящее наше участие. – Голос президента был непривычно взволнованным. – Подумай о возможностях. Если мы сумеем соединить все эти планы и образовать один большой рынок... Господи, да от такого просто дрожь берет!.. И к тому же на земле воцарится мир.

– Интересная мысль, – осторожно заметил Стентон. – Но до ее осуществления еще очень далеко. Знаешь старую китайскую поговорку: «Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага». Она – дилетант, Пол.

– Некоторые из наших лучших послов были дилетантами. Энн Армстронг, бывший посол в Великобритании, была преподавателем без всякого политического опыта. Перл Места назначена в Люксембург. Клер Бут Люс была послом в Италии, Джон Гэвин, актер, – в Мексике. Треть нынешних послов принадлежит к тем, кого ты называешь дилетантами.

– Но тебе ничего не известно об этой женщине.

– За исключением того, что она чертовски умна и мы настроены на одну волну. Я хочу, чтобы ты узнал о ней все, что можно.

Он поднял номер «Форин афферс».

– Ее зовут Мэри Эшли.

Два дня спустя Пол и Стентон завтракали вместе.

– У меня есть информация, которую ты просил.

Стентон вынул из кармана листок бумаги.

– Мэри Элизабет Эшли. Олд-Милфорд-роуд, двадцать семь, Джанкшн-Сити, Канзас. Тридцать пять лет, замужем за доктором Эдвардом Эшли, двое детей. Бет – двенадцать, Тиму – десять. Председатель местного отделения Лиги женщин-избирателей. Старший преподаватель, специализация: политические науки восточноевропейских стран, университет штата Канзас. Дед – уроженец Румынии. – Подняв глаза, он задумчиво добавил: – Должен признать, звучит интересно.

– Я тоже так думаю. Но хотелось бы провести полную проверку на безопасность.

– Об этом я позабочусь.

Глава 4

– Я не согласен, профессор Эшли.

Барри Дилан, самый способный и молодой из студентов Мэри Эшли в семинаре по политологии, вызывающе огляделся.

– Александру Ионеску куда хуже Чаушеску.

– Можете привести факты, подтверждающие это заявление? – спросила Мэри.

В университетской аудитории двенадцать студентов-дипломников сидели полукругом, лицом к Мэри. Список очередников, жаждущих попасть в ее группы, был длиннее, чем у других преподавателей Канзасского университета. Она была превосходным специалистом. Обладала живым чувством юмора и душевным теплом, превращавшими общение с ней в истинное наслаждение. Ее овальное лицо с высокими скулами и миндалевидными карими глазами имело свойство меняться от миловидного до прекрасного, в зависимости от настроения. О такой фигуре, как у нее, мечтали студентки и грезили парни, а она, казалось, совершенно не сознавала своей красоты.

Барри втайне гадал, счастлива ли она с мужем. Но очнувшись, неохотно вернулся к проблеме.

– Видите ли, Ионеску, захватив Румынию, уничтожил всех сторонников Грозы и повел жесткую линию, заняв про-

советскую позицию. Даже Чаушеску не был столь бесчеловечен.

– В таком случае почему президент Эллисон так стремится к восстановлению дипломатических отношений с Ионеску? – вмешался другой студент.

– Потому что мы хотим привлечь его на свою сторону.

– Вспомните, – заметила Мэри, – что Николае Чаушеску тоже смотрел не только на Восток, но и на Запад. В каком году это началось?

Снова заговорил Барри:

– В тысяча девятьсот шестьдесят третьем, когда Румыния заняла определенную позицию в споре между Россией и Китаем, чтобы показать свою независимость в международных делах.

– Как насчет нынешних отношений Румынии с другими странами Варшавского Договора и Россией в особенности? – спросила Мэри.

– Я бы сказал, сейчас они укрепились.

– Не согласен! – раздался еще один голос. – Румыния осудила вторжение России в Афганистан и соглашение с ЕЭС. Кроме того, профессор Эшли...

Прозвенел звонок. Время вышло.

– В понедельник поговорим об основных факторах, влияющих на позицию Советского Союза в отношении Восточной Европы, а также обсудим возможные последствия плана президента Эллисона присоединить к нам Восточный блок.

Хорошего вам уик-энда, – объявила Мэри.

Студенты стали подниматься.

– И вам тоже, профессор.

Мэри любила обмен мнениями на семинарах. История и география оживали в жарких дискуссиях между способными молодыми студентами-выпускниками. Иностранные имена и города становились реальными, а исторические события обретали плоть и кровь. Она преподавала уже пятый год, и работа по-прежнему ее волновала. В ее расписании значились пять групп, если не считать семинаров выпускников, и в лекциях непременно затрагивалась тема Советского Союза и его сателлитов. Временами она чувствовала себя мошенницей, потому что никогда не была в тех странах, о которых говорила на лекциях, и не выезжала из Соединенных Штатов.

Мэри родилась в Джанкшн-Сити, как и ее родители. Единственным членом семьи, побывавшим в Европе, был ее дед, происходивший из Воронета, маленькой румынской деревушки.

Мэри собиралась поехать за границу, когда получит степень магистра, но тем летом встретила Эдварда Эшли, и путешествие в Европу превратилось в трехнедельный медовый месяц в Уотервилле, в пятидесяти пяти милях от Джанкшн-Сити, где Эдвард лечил пациента с больным сердцем.

– На следующий год мы обязательно отправимся в путешествие, – сказала Мэри Эдварду вскоре после свадьбы. –

Ужасно хочется увидеть Рим, Париж и Румынию.

– Мне тоже. Договорились. Будущим летом.

Но родилась Бет, а Эдвард был занят работой в больнице. Через два года на свет появился Тим. Мэри получила докторскую степень и продолжала преподавать в Канзасском университете. Годы летели незаметно, и, если не считать коротких поездок в Чикаго, Атланту и Денвер, Мэри не выезжала из штата.

– Когда-нибудь, – обещала она себе. – Когда-нибудь...

Мэри собрала конспекты и выглянула в окно. Мороз затянул стекла узором, и снова пошел снег. Она надела кожаное пальто с меховой подкладкой и красный шерстяной шарф и направилась к выходу на Ваттиер-стрит, где припарковала машину.

Кампус был гигантским: триста пятнадцать акров, застроенных восемьюдесятью семью зданиями, включая лаборатории, демонстрационные залы и часовни, рассеянные среди идиллического пейзажа. Строения из коричневого известняка издали напоминали своими башнями древние замки, готовые отразить нападения вражеских орд. Когда Мэри проходила мимо Денисон-холла, незнакомец с камерой «Никон», идущий навстречу, навел объектив на здание и щелкнул затвором. Мэри попала в кадр.

«Нужно было отойти в сторону. Я испортила ему снй-

мок», – огорчилась она.

Час спустя фото было уже на пути в Вашингтон.

Каждый город имеет свой отчетливый ритм, пульс жизни, исходящий от людей и земли. Джанкшн-Сити в округе Джири, штат Канзас – фермерская община с населением двадцать тысяч триста восемьдесят один человек, находится в ста тридцати милях к западу от Канзас-сити и гордится своим положением географического центра континентальных Соединенных Штатов. В городе выходит газета «Дейли юнион», имеются радио- и телестанции. Торговая зона в даунтауне состоит из беспорядочно разбросанных магазинчиков и автозаправок вдоль Шестой стрит и Вашингтон-авеню. Имеются также универмаги «Джей Си Пенни», «Вулвортс», филиал Первого Национального банка, «Домино-пицца» и ювелирный магазин, а также сеть кафе фаст-фуда, автобусная станция, магазины мужской одежды и винный – словом, обычная для всех маленьких городков Соединенных Штатов картина. Но жители Джанкшн-Сити любят его за буколический покой и безмятежность. Но только не по уик-эндам, когда Джанкшн-Сити становится центром отдыха и развлечений для солдат из расположенного неподалеку Форт-Райли.

По пути Мэри Эшли остановилась у «Диллонс маркет», чтобы купить продукты к обеду, и направилась на север, к

Олд-Милфорд-роуд, чудесному жилому кварталу, выходящему на озеро. По левой стороне дороги росли дубы и вязы, а на правой выстроились красивые дома из дерева, камня и кирпича.

Семья Эшли жила в двухэтажном каменном доме среди невысоких холмов. Доктор Эшли с женой купили его тринадцать лет назад. Внизу располагались гостиная, столовая, библиотека, комната для завтраков и кухня, наверху – три спальни, одна из них – хозяйская.

– Он чересчур велик для двоих, – протестовала тогда Мэри.

Эдвард обнял ее и прижал к себе:

– Кто сказал, что этот дом – только для двоих?

Дома Мэри встретили Бет и Тим.

– Знаешь что?! – завопил Тим. – Наши фото будут в газете!!!

– Помогите разобрать продукты, – велела Мэри. – В какой газете?

– Фотограф не сказал, но сделал снимки и пообещал, что мы еще о нем услышим.

Мэри остановилась и повернулась к сыну:

– А этот человек объяснил, почему снимает вас?

– Нет, – ответил Тим, – но у него классный «Никон».

В воскресенье Мэри праздновала – хотя и не считала это

поводом для веселья – свой тридцать пятый день рождения. Эдвард сделал ей сюрприз – устроил вечеринку в сельском клубе. Там ее ждали их соседи, Флоренс и Дуглас Шиффер и еще четыре пары. Эдвард радовался, как ребенок, при виде изумления Мэри, когда та вошла в клуб и увидела празднично накрытый стол и поздравительный плакат. У нее не хватило духу признаться, что она знала о вечеринке еще две недели назад. Мэри обожала Эдварда. И почему нет? Какая женщина не обожала бы его? Он привлекателен, умен и заботлив. Его дед и отец тоже были врачами, и ему в голову не пришло стать кем-то еще. Он считался лучшим хирургом в Канзас-сити, хорошим отцом и прекрасным мужем.

Задувая свечи на именинном торте, она взглянула на Эдварда и подумала, что на свете нет женщины счастливее.

В понедельник утром Мэри проснулась с тяжелой головой. Слишком много было шампанского прошлым вечером... а она не привыкла к алкоголю.

Она с трудом поднялась с постели, обещая себе никогда больше не пить так много.

Спустившись вниз, Мэри стала готовить завтрак для детей, морщась от болезненной пульсации в висках.

– Шампанское, – простонала она. – Это месть французов нам, несчастным.

В комнату вошла Бет с охапкой книг.

– С кем ты разговариваешь, мама?

– С собой.

– Странно.

– Ты права, – согласилась Мэри, ставя на стол коробку с хлопьями. – Смотри. Я купила для тебя новые хлопья.

Бет уселась за кухонный стол и принялась изучать этикетку на коробке.

– Это я есть не могу. Ты хочешь меня убить!

– Не провоцируй меня, – предупредила мать. – Ты будешь завтракать?

Десятилетний Тим вбежал в кухню, плюхнулся на стул и объявил:

– Я буду бекон и яйца.

– А что случилось с «добрым утром»? – поинтересовалась Мэри.

– Доброе утро. Я буду бекон и яйца.

– Пожалуйста.

– Ой, мама, брось! Я опаздываю в школу.

– Рада, что ты упомянул об этом. Мне звонила миссис Рейнольдс. Ты отстаешь по математике. Что скажешь?

– Не удивляюсь.

– Тим, это ты так шутишь?

– Лично мне это забавным не кажется, – фыркнула Бет.

Тим соорудил рожицу.

– Хочешь посмеяться? Посмотришь в зеркало!

– Довольно, – прикрикнула Мэри. – Ведите себя прилично.

Головная боль усилилась.

– Мам, можно, я после школы пойду на каток? – спросил Тим.

– Ты уже и так катишься по тонкому льду. Так что изволь вернуться домой и сесть за уроки. Как, по-твоему, будет выглядеть университетский преподаватель, сын которого отстает по математике?

– Нормально будет выглядеть. Ты не преподаешь математику.

«А еще говорят о кошмарных двухлетках, – мрачно подумала Мэри. – Как насчет кошмарных девятилеток, десятилеток, одиннадцати- и двенадцатилеток?»

– А Тим сказал, что получил «D» за орфографию⁴?

Тим яростно уставился на сестру:

– Ты никогда не слышала о Марке Твене?

– Какое отношение Марк Твен имеет к твоей учебе? – удивилась Мэри.

– Марк Твен сказал, что не уважает человека, который каждый раз одинаково пишет одно и то же слово.

«Нам не выиграть в этом состязании, – подумала Мэри. – Они умнее нас».

Она приготовила каждому завтрак, хотя Бет сидела на очередной безумной диете.

– Пожалуйста, Бет, съешь сегодня свой ленч.

⁴ В американских школах принята буквенная система оценок, где «А» – высший, а «F» – низший балл.

– Если в нем нет искусственных консервантов. Я не допущу, чтобы алчность магнатов пищевой промышленности разрушила мое здоровье.

«Господи, где они, старые добрые времена джанк-фуд⁵?

Тим неожиданно выхватил из тетрадки Бет бумажку:

– Взгляните на это! – завопил он. – «Дорогая Бет, давай будем сидеть вместе на уроках. Вчера я весь день думал о тебе и...»

– Отдай! – крикнула Бет. – Это мое.

Она бросилась к Тиму, но тот ловко отпрыгнул в сторону и прочитал подпись в конце записки:

– «Верджил». Я думал, ты влюблена в Арнольда.

Бет наконец выхватила записку.

– Что ты знаешь о любви? Ты еще ребенок! – презрительно заметила двенадцатилетняя девочка.

Голова Мэри разрывалась от невыносимой боли.

– Дети... утомитесь хоть немного.

На улице слышался гудок школьного автобуса. Тим и Бет направились к двери.

– Подождите! Вы не доели завтрак, – запротестовала Мэри, провожая их по коридору.

– Времени нет, ма. Пора.

– До свиданья, ма.

⁵ От junk-food – мусорная еда (англ.). Нездоровая пища: чипсы, орешки, сладкая газировка и т. д., содержащая много углеводов и соли. «Мусорной» прозвана потому, что после нее на улицах остается много мусора: обертки, бутылки и т. п.

– На улице мороз. Наденьте пальто и шарфы.

– Не могу. Я свой шарф потерял, – бросил на ходу Тим.

После их ухода Мэри почувствовала себя совершенно опустошенной.

«Материнство – это жизнь в эпицентре урагана».

Она увидела спускавшегося по лестнице Эдварда, и на сердце потеплело.

«Даже после всех этих лет, – подумала она, – он остается самым интересным мужчиной».

Первоначально Мэри привлекла в Эдварде его доброта. В мягких серых глазах отражались тепло и ум, но они превращались в бушующее пламя, когда его охватывала страсть.

– Доброе утро, дорогая, – прошептал он, целуя ее. Они вошли в кухню.

– Милый, не сделаешь мне одолжение?

– Конечно, красавица. Все, что угодно.

– Я хочу продать детей.

– Обоих?

– Обоих.

– Когда?

– Сегодня.

– Но кто их купит?!

– Да кто угодно! Дети в таком возрасте, когда в их глазах я все делаю не так. Бет помешана на здоровой пище, а твой сын превращается в первоклассного остолопа.

– Может, они не наши дети, – задумчиво предположил Эд-

вард.

– Надеюсь, что нет. Я варю тебе овсянку.

Эдвард взглянул на часы:

– Прости, дорогая, нет времени. Через полчаса операция.

Хэнк Гейтс попал рукой в какую-то машину. Может потерять несколько пальцев.

– По-моему, он слишком стар, чтобы заниматься фермой.

– Не хотелось бы, чтобы он услышал от тебя нечто подобное.

Мэри знала, что Хэнк Гейтс вот уже три года не платил по счетам мужа. Как большинство фермеров в общине, он страдал от низких цен на сельхозпродукцию и безразличия администрации Фермерского банка. Многие теряли фермы, на которых работали всю жизнь. Эдвард никогда не давил на пациентов, требуя деньги, и некоторые платили частью урожая. Подвал дома Эшли был забит кукурузой, картофелем и зерном. Один фермер предложил заплатить коровой, и когда Эдвард сказал об этом Мэри, та ответила:

– Ради Бога, передай ему, что обслуживание за счет заведения.

Сейчас, глядя на мужа, она снова подумала, как счастлива.

– Ладно, – смягчилась Мэри, – может, я и оставлю детей.

Мне слишком нравится их отец.

– Честно говоря, я весьма симпатизирую их матери.

Он обнял ее и прижал к себе.

– С днем рождения плюс еще один день.

– Ты все еще любишь меня, хотя я и постарела?

– Мне нравятся старые женщины.

– Спасибо. Нужно приехать домой пораньше и приготовить ужин. Наша очередь принимать Шифферов, – вспомнила Мэри.

Бридж с соседями стал вечерним ритуалом по понедельникам. То обстоятельство, что Дуглас Шиффер тоже был доктором и работал с Эдвардом в одной больнице, еще больше их сблизило.

Мэри и Эдвард вышли из дома вместе. Сильный ветер ударил в лица, и они дружно нагнули головы. Эдвард пристегнулся ремнем в своем «форде-граната» и наблюдал, как Мэри садится в многоместный автомобиль.

– Шоссе, возможно, обледенело, – крикнул он. – Будь осторожна!

– Ты тоже, дорогой.

Она послала ему воздушный поцелуй, и машины отъехали от дома. Эдвард направился в больницу, а Мэри – в городок Манхэттен, в шестнадцать милях от Джанкшн-Сити, где находился университет.

Двое в автомобиле, припаркованном в квартале от дома Эшли, проводили взглядом машины и дождались, пока они исчезнут из вида.

– Пойдем.

Они подъехали к соседнему дому. Водитель Рекс Олдс остался в салоне, а его спутник подошел к двери и позвонил. Дверь открыла привлекательная брюнетка лет тридцати пяти.

– Да? Чем могу помочь?

– Миссис Дуглас Шиффер?

– Да...

Мужчина сунул руку в карман и вытащил удостоверение.

– Меня зовут Дональд Замлок. Служба безопасности Государственного департамента.

– Господи Боже! Только не говорите, что Дуг ограбил банк!

Агент вежливо улыбнулся.

– Нет, мэ. Об этом мне ничего не известно. Я хотел задать несколько вопросов о вашей соседке, миссис Эшли.

– Мэри? А что с ней? – встревожилась женщина.

– Можно войти?

– Да. Разумеется.

Флоренс Шиффер провела его в гостиную:

– Садитесь. Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Я отниму у вас всего несколько минут.

– Но почему вы интересуетесь Мэри?

Агент успокаивающе улыбнулся:

– Обычная проверка. Ее ни в чем не подозревают.

– Надеюсь, что нет, – вспыхнула Флоренс. – Мэри Эшли – на редкость порядочный человек. А вы ее знаете?

– Нет, мэм. Визит конфиденциален, и я буду очень благодарен, если вы никому о нем не скажете. Давно вы знакомы с миссис Эшли?

– Около тринадцати лет. С того дня, как они въехали в соседний дом.

– По-вашему, вы хорошо знаете миссис Эшли?

– Ну, разумеется. Мэри – моя ближайшая подруга. Что...

– Она ладит с мужем?

– Если не считать нас с Дугласом, они – самая счастливая пара из всех моих знакомых, – заявила Флоренс и, немного подумав, добавила: – Нет. Беру свои слова обратно. Они и есть самая счастливая пара из всех моих знакомых.

– Понятно. У миссис Эшли двое детей. Девочка двенадцати и мальчик десяти лет.

– Совершенно верно. Бет и Тим.

– Вы считаете ее хорошей матерью?

– Она потрясающая мать. Но что...

– Миссис Шиффер, как по-вашему, миссис Эшли эмоционально стабильна?

– Конечно.

– И у нее нет психологических проблем, о которых вам известно?

– Естественно, нет.

– Она выпивает?

– Нет. Она не любит спиртное.

– Как насчет наркотиков?

– Вы приехали не в тот город, мистер. В Джанкшн-Сити нет наркоманов.

– Миссис Эшли замужем за доктором?

– Да.

– И если бы она захотела достать наркотики...

– Не туда гнете, мистер. Вы заблуждаетесь. Она не наркоманка. Не нюхает и не колется.

– Похоже, вам известна терминология, – заметил агент, пристально глядя на нее.

– Я, как и все, смотрю «Полицию Майами», – отрезала Флоренс, начиная злиться. – Есть еще вопросы?

– Дед миссис Эшли родился в Румынии. Вы когда-нибудь слышали, чтобы она говорила об этой стране?

– Иногда. Вспоминает рассказы деда о старых временах. Он действительно родился в Румынии, но приехал сюда еще подростком.

– Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы миссис Эшли отрицательно отзывалась о нынешнем румынском правительстве?

– Никогда!

– Значит, вы считаете их обоих лояльными американцами?

– Совершенно верно. Не объясните ли...

Мужчина поднялся:

– Благодарю, миссис Шиффер, что уделили мне время. И я снова хотел бы подчеркнуть, что наш разговор должен

остаться сугубо конфиденциальным. Буду крайне благодарен, если не станете обсуждать его ни с кем, даже с мужем.

Не успела она оглянуться, как он исчез. Флоренс долго стояла, глядя на закрывшуюся дверь.

– Не верю, что вся эта беседа действительно происходила, – наконец громко сказала она.

Агенты проехали по Вашингтон-стрит и направились на север. Миновали торговую палату, здание Королевского ордена Лосей, парикмахерскую для животных «Ирма», бар «Фэт чанс»⁶, и улица кончилась.

– Иисусе, главная улица длиной в два квартала! – воскликнул Дональд Замлок. – Это не город. Дыра какая-то!!!

– Это для тебя дыра и для меня тоже, а для этих людей – город, – возразил Рекс Олдс.

Замлок покачал головой.

– Возможно, здесь неплохо жить, но я уж точно не хотел бы приезжать сюда с визитами.

Машина остановилась у государственного банка, и Рекс вошел внутрь.

– Чисто, – объявил он, появившись через двадцать минут. – В банке у Эшли семь тысяч долларов. Закладная на дом, и они вовремя платят по счетам. Президент банка считает доктора слишком мягкосердечным для хорошего бизнесмена, но готов в любой момент выдать ему кредит.

⁶ Fat chance (англ.) – «никакой надежды».

Замлок взглянул на лежавший рядом планшет.

– Давай опросим еще несколько человек и вернемся к цивилизации, прежде чем я замычу.

Дуглас Шиффер, обычно приятный общительный человек, был мрачен, как грозовое облако. В самый разгар игры в бридж выяснилось, что Шифферы отстают на десять тысяч очков. Флоренс Шиффер опять ошиблась. В четвертый раз за вечер.

Дуглас швырнул карты на стол.

– Флоренс!!! На чьей ты стороне?! Знаешь, сколько мы проиграли?

– Прости, – нервно пробормотала жена. – Я... просто не могу сосредоточиться.

– Оно и видно, – хмыкнул муж.

– Тебя что-то беспокоит? – вмешался Эдвард.

– Я не должна об этом говорить.

Все удивленно уставились на нее.

– И что это означает? – спросил муж.

Флоренс набрала в грудь воздуха:

– Мэри... это касается тебя.

– В каком смысле?

– Ты попала в беду, верно?

Мэри подняла на нее глаза.

– В беду... нет, почему ты так думаешь?

– Я не должна говорить. Я обещала.

– Кому именно? – допытывался Эдвард.

– Федеральному агенту из Вашингтона. Сегодня он пришел в дом и задал кучу вопросов о Мэри. Такое впечатление, что он считает ее международной шпионкой.

– Каких вопросов? – вскинулся Эдвард.

– О... ну, знаешь... лояльная ли она американка, хорошая ли жена и мать, не сидит ли на наркотиках.

– Какого дьявола они об этом спрашивают?

– Погодите, – разволновалась Мэри, – думаю, все дело в постоянном контракте.

– Что? – переспросила Флоренс.

– Возможно, мне предложат постоянный контракт на должность преподавателя. И университет проводит правительственную проверку в кампусе, так что, полагаю, подобная процедура ждет всех.

– Слава Богу, если так, – облегченно вздохнула Флоренс. – Я думала, тебя собираются посадить под замок.

– Надеюсь, – улыбнулась Мэри. – В Канзасском университете.

– Ладно, теперь, когда мы все выяснили, – объявил Дуглас, – можем продолжать игру? Если ты, Флоренс, еще раз ошибешься, я перекину тебя через колено и отшлепаю.

– Обещания, обещания... – пропела Флоренс.

Глава 5

Эббивуд, Англия

– Встреча проходит с соблюдением обычных правил, – объявил председатель. – Не ведем протокола, никогда не обсуждаем происходившее здесь, обращаемся друг к другу исключительно по кодовым именам.

В библиотеке замка Клеймор пятнадцатого века собрались восемь человек. Два вооруженных охранника в штатской одежде и теплых пальто несли вахту во дворе, а третий дежурил перед дверью библиотеки. Все восемь собравшихся прибыли по отдельности некоторое время назад.

– Контролер получил тревожную информацию, – продолжал председатель. – Марин Гроза готовит свержение Александру Ионеску. Несколько высокопоставленных румынских военных решили поддержать Грозу. На этот раз его намерения вполне могут осуществиться.

– И как это повлияет на наш план? – спросил Один.

– Ему грозит полный провал. Смена правительства откроет слишком много мостов на Запад.

– Значит, мы должны этому помешать, – заключил Фрейр.

– Как? – коротко бросил Бальдр.

– Убить Грозу, – пояснил председатель.

– Это невозможно. Люди Ионеску совершили несколько покушений, о которых нам известно, и все провалились.

Вилла кажется неприступной. Во всяком случае, никто в этой комнате не может позволить себе участия в убийстве.

– Непосредственное участие совершенно необязательно, – возразил председатель.

– Тогда что же?

– Контролер обнаружил секретное досье на международного террориста, которого можно нанять.

– Абул Аббас, организовавший захват круизного судна «Акилле Лауро»?

– Нет. В городе появился новый киллер под именем Ангел. Куда лучше Аббаса.

– Никогда о нем не слышал, – покачал головой Зигмунд.

– Именно. Его рекомендации весьма впечатляют. Согласно досье Контролера, Ангел участвовал в терактах, совершаемых движением «Сикх Халистан» в Индии. Помогал террористам из группы «Мачетеро» в Пуэрто-Рико и красным кхмерам в Камбодже. Стоит за убийством полудюжины армейских офицеров в Израиле, который предлагает за его голову награду в миллион долларов. Награда выплачивается за живого или мертвого.

– Звучит многообещающе, – заметил Тор. – Нельзя ли с ним договориться?

– Его услуги дорого стоят. Если он согласится заключить контракт, это обойдется нам в два миллиона долларов.

Фрейр присвистнул, но тут же пожал плечами.

– Все можно устроить. Возьмем из нашего главного фон-

да.

– Но как связаться с этим типом? – спросил Зигмунд.

– Его контракты заключаются через любовницу. Некую Неузу Муньес.

– Где ее найти?

– Она живет в Аргентине. В Буэнос-Айресе. Ангел снимает ей квартиру.

– И каков наш следующий шаг? – осведомился Тор. – Кто свяжется с ней от нашего имени?

– Контролер предложил Гарри Ланца, – ответил председатель.

– Знакомое имя.

– Да, – сухо обронил председатель. – Оно появлялось в газетах. Гарри Ланц – изгой. Его вышибли из ЦРУ за торговлю наркотиками во Вьетнаме. За время службы он побывал в Южной Америке, так что знает территорию. Из него выйдет идеальный посредник.

Немного помолчав, он добавил:

– Предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы нанять Ангела, поднимите руки.

Восемь ухоженных рук взметнулись почти одновременно.

– Значит, договорились. – Председатель встал. – Совещание закончено. Прошу соблюдать обычные предосторожности.

В понедельник констебль Лесли Хансон устроил пикник

в оранжерее замка, где не имел права находиться. Как пришлось позже объяснять начальству, он был не один: его приятельница Энни, грудастая деревенская девка, уговорила доброго констебля воспользоваться теплым помещением.

– Ты обеспечиваешь еду, – хихикала Энни, – а я – десерт.

«Десерт» был ростом пять футов шесть дюймов с красивой упругой грудью, о которой может мечтать любой мужчина.

К несчастью, в разгар десерта констебля Хансена отвлек шум мотора отъезжавшего от ворот замка лимузина.

– Это чертово место должно быть закрыто по понедельникам, – пробормотал он.

– Не отвлекайся, дорогой, и не снижай темпа, – уговаривала Энни.

– Не беспокойся, крошка.

Через двадцать минут констебль услышал, как отъезжает вторая машина. На этот раз любопытство разобрало его до такой степени, что он встал и выглянул в окно. Это был служебный лимузин с тонированными окнами, за которыми не видно пассажиров.

– Ну, ты идешь, Лесли?

– Сейчас. Не понимаю, кто может находиться сегодня в замке. Он открыт только в дни посещений, а в остальное время – заперт.

– Я тоже так сделаю, дорогой, если не плюнешь на эти машины.

Еще двадцать минут спустя, снова услышав шум мотора, констебль Хансон принес свое либидо в жертву полицейским инстинктам. Он насчитал еще пять лимузинов, покидавших замок с двадцатиминутными интервалами. Одна из машин притормозила у ворот, и констебль успел прочесть номер.

– Вроде бы сегодня твой чертов выходной, – пожаловалась Энни.

– Это может быть важно, – отмахнулся констебль, не вполне уверенный, должен ли доложить о случившемся.

– Что вы делали в замке Клеймор? – допытывался сержант.

– Осматривал достопримечательности, сэр.

– Замок был закрыт.

– Да, сэр. Но оранжерея открыта.

– И вы решили осмотреть оранжерею?

– Да, сэр.

– В одиночку, разумеется.

– Ну... по правде сказать...

– Избавьте меня от интимных подробностей, констебль.

Почему вы сочли машины подозрительными?

– Из-за их поведения, сэр.

– У машин нет поведения. Зато есть у водителей.

– Конечно, сэр. Водители очень осторожничали. Машины покидали замок с интервалами в двадцать минут.

– Вы, конечно, понимаете, что этому могут найтись ты-

сочи совершенно невинных объяснений. Фактически единственное, что не имеет невинного объяснения, – это вы, Хансон.

– Да, сэр. Но мне казалось, что я должен вам доложить.

– Верно. Вы запомнили номер машины?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Можете идти, – велел сержант, но не удержался от прощальной остроты: – И помните: опасно швыряться камнями, если сидишь в стеклянном доме.

После ухода констебля он еще долго ухмылялся, довольный собственной шуткой.

Когда по номеру удалось определить владельца машины, сержант Туилл решил, что Хансон ошибся, но все же сообщил информацию инспектору Пакуле.

– Я не стал бы вас беспокоить, инспектор, но номер машины...

– Да, вижу. Я сам этим займусь.

– Спасибо, сэр.

Короткая встреча инспектора с одним из руководителей «Сикрет интеллидженс сервис», сэром Алексом Хайд-Уайтом, мясистым, краснолицым мужчиной, состоялась в штаб-квартире этой организации.

– Вы правильно поступили, придя сюда, – улыбнулся сэр Алекс. – Но боюсь, зловещая тайна заключается в попытке устроить развлекательную поездку члена королевской семьи

без ведома прессы.

– Простите, что зря побеспокоил вас.

Инспектор Пакула поднялся.

– Вовсе нет, инспектор. Приятно видеть такую бдительность. Как, говорите, зовут молодого констебля?

– Хансон, сэр. Лесли Хансон.

Едва за инспектором закрылась дверь, сэр Алекс Хайд-Уайт поднял трубку телефона.

– У меня сообщение для Бальдра. Небольшая проблема. Объясню при следующей встрече. А пока прошу вас организовать три перевода. Полицейский сержант Туилл, инспектор Пакула и констебль Лесли Хансон. Переведите их с интервалами в несколько дней на разные должности подальше от Лондона. Я уведомяю Контролера на случай, если он захочет предпринять дальнейшие действия.

Посреди ночи Ланца, спавшего в своем нью-йоркском гостиничном номере, разбудил телефонный звонок.

Кто, черт побери, знает, что он здесь?

Ланц сонно уставился на валявшиеся на тумбочке часы и схватил трубку.

– Сейчас четыре утра! Кому взбрело...

Послышался мягкий голос, и Ланц поспешно сел, чувствуя, как колотится сердце.

– Да, сэр... – пробормотал он. – Да, сэр... нет, сэр, но могу

освободиться.

Он долго слушал, прежде чем наконец ответить:

– Да, сэр. Понимаю. Первым же рейсом лечу в Буэнос-Айрес. Спасибо, сэр.

Он положил трубку и закурил. Руки дрожали. Человек, с которым он говорил, был одним из самых влиятельных в мире, и его просьба...

– Да что, черт возьми, происходит? – спросил себя Гарри. – Что-то готовится.

Собеседник обещал заплатить пятьдесят тысяч долларов за передачу сообщения. Забавно вернуться в Аргентину. Гарри любил латиноамериканских женщин.

«Я знаю с дюжину девчонок, которые уж точно предпочтут перепихнуться вместо ужина».

День начался суперклассно!

В девять утра Ланц позвонил в компанию «Аргентинские аэролинии»:

– Когда первый рейс на Буэнос-Айрес?

«Боинг-747» прибыл в аэропорт «Эзейза» в пять вечера следующего дня. Полет был долгим, но Гарри не сетовал. Пятьдесят тысяч баксов за передачу сообщения!

Когда колеса наконец легко коснулись земли, его охватило возбуждение. Он не был в Аргентине почти пять лет. Неплохо бы возобновить старые знакомства.

Стоило выйти из самолета, и в лицо ударил жаркий воз-

дух. Ну конечно. Сейчас лето.

Он взял такси до города и во время поездки с улыбкой заметил, что граффити, которыми были расписаны стены домов и тротуары, не изменились: «Plebiscito las pelotaa» – «К чертям плебисцит». «Militares asesinos» – «Военные – убийцы». «Tenemos hambre» – «Мы голодаем». «Marihuana libre» – «Косячок задаром». «Droga, sexo y mucha rock» – «Наркотики, секс, рок-н-ролл». «Juicio y castigo a los culpables» – «Суд и наказание для виновных».

Да, приятно бывает вернуться в прежние места.

Сиеста закончилась, и на улицах было полно людей, лениво бродивших по тротуарам. Когда такси прибыло в отель «Эль Конкистадор», в самом сердце фешенебельного квартала Баррио Норте, Ланц заплатил водителю банкнотой в миллион песо.

– Сдачу оставьте себе, – бросил он. Деньги были смехотворными.

Он зарегистрировался у стойки портье в огромном современном вестибюле, взял по экземпляру «Буэнос-Айрес геральд» и «Ла Пренза» и позволил заместителю управляющего проводить себя в номер-люкс. Шестьдесят долларов в день за спальню с ванной, гостиную, кухню, кондиционер и телевизор. В Вашингтоне за такой номер содрали бы три шкуры.

Завтра он встретится с этой девкой Неузой, останется на несколько дней и хорошенько повеселится.

Прошло больше двух недель, прежде чем Гарри Ланц сумел разыскать Неузу Муньес.

Его поиски начались с изучения городских телефонных справочников. Сначала Ланц проверил центральные кварталы. Площадь Конституции, плаза Сан-Мартен, Баррио Норте, Кателинас Норте. Затем взялся за дальние кварталы Бахья Бланка и Мар дель Плата. Неуза Муньес нигде не значилась.

«Как же ее найти, черт возьми?» – гадал Ланц. Пришлось покинуть отель и пройтись по старым знакомым.

Когда он вошел в «Ла Биела», бармен воскликнул:

– Сеньор Ланц! Господи, я слышал, что вы погибли!

– Точно, – расплылся в улыбке Ланц, – но так скучал по тебе, Антонио, что решил воскреснуть.

– Что подельваете в Буэнос-Айресе?

Ланц подпустил в голос меланхолии:

– Ищу свою старую подружку. Мы должны были пожениться, но ее семья переехала, и я потерял все следы. Ее зовут Неуза Муньес.

Бармен почесал в затылке:

– Никогда о ней не слышал. Понятия не имею.

– Не спрашиваешь клиентов, Антонио?

– Почему бы нет?

Далее Ланц отправился в главное управление полиции,

повидать старого дружка.

– Ланц! Гарри Ланц! Боже! Какими судьбами?

– Привет, Хорхе. Рад тебя видеть, дружище.

– В последний раз я слышал, что тебя вышибли из ЦРУ.

– Ни в коем случае, дружище, – рассмеялся Ланц. – Меня умоляли остаться. Я уволился, чтобы начать свой бизнес.

– Да? И какой же?

– Открыл детективное агентство. Собственно говоря, одно задание и привело меня в Буэнос-Айрес. Несколько дней назад скончался мой клиент. Оставил дочери кучу денег, и я пытаюсь ее разыскать, но знаю только, что она живет где-то в Буэнос-Айресе, на съемной квартире.

– Как ее зовут?

– Неуза Муньес.

– Подожди минуту.

Минута растянулась на полчаса.

– Прости, дружище, ничем не могу помочь. Ее нет ни в одной базе.

– Жаль! Если что-то узнаешь о ней, я остановился в отеле «Эль Конкистадор».

– Договорились.

Далее вновь последовали бары. Старые знакомые местечки «Пепе Гонзалес-и-Альмейда», «Кафе-табак».

– Добрый день, дружище, – обращался он к бармену. – Я из Соединенных Штатов. Ищу одну девушку. Ее зовут Неуза

Муньес. Дело срочное.

– Сожалею, сеньор, не слышал.

Везде одно и то же – никто и понятия не имел о чертовой девке.

Гарри обошел Ла Бока, живописный район пристани со старыми кораблями, ржавеющими на приколе. Там тоже ничего не знали о Неузе. И Гарри Ланц почувствовал, что, возможно, ищет ветра в поле.

Ему неожиданно повезло в «Пилар», маленьком баре в районе Флореста. Был вечер пятницы, и у стойки толпились рабочие. Ланц минут десять старался привлечь внимание бармена и прежде чем успел закончить заранее подготовленную речь, тот перебил:

– Неуза Муньес? Sí. Я ее знаю. Если захочет потолковать с вами, придет сюда завтра, около полуночи.

На следующий вечер Гарри Ланц вернулся в «Пилар» к одиннадцати и стал наблюдать, как бар постепенно заполняется. Ближе к полуночи он занервничал. Что, если она не придет? Что, если это не та Неуза Муньес?

В бар вошла компания хихикавших девушек и устроилась за столиком, где уже сидели мужчины.

«Нет, она должна прийти, иначе я могу попрощаться с пятьюдесятью штуками».

Интересно, какая она. Должно быть, шикарная штучка!

Ему поручено предложить ее бойфренду Ангелу два миллиона за убийство, так что он, должно быть, купается в деньгах и вполне может содержать молодую красивую любовницу. Эта Неуза скорее всего актриса или модель. Кто знает, не удастся ли немного позабавиться с ней до отъезда из города? Нет ничего приятнее, чем совместить бизнес и удовольствие.

Гарри счастливо улыбнулся.

Дверь открылась, и Ланц выжидающе поднял глаза. Эта женщина была одна. Средних лет, некрасивая, толстая, с огромными, болтавшимися на ходу грудями. Лицо было изрыто оспой, волосы вытравлены перекисью, но смуглая кожа выдавала метиску, индейская прабабка которой переспала с испанцем. Одета в слишком узкую юбку и свитер, который неплохо сидел бы на женщине вдвое моложе и тоньше.

«Вышедшая в тираж шлюха, – решил Ланц. – Да и кто, черт возьми, захочет ее трахнуть?»

Женщина оглядела бар пустым, ничего не выражающим взглядом, мимоходом кивнула нескольким клиентам, протиснулась сквозь толпу и подошла к бару.

– Х'чешь купить мне выпивку?

Она говорила с сильным испанским акцентом и вблизи оказалась еще уродливее.

Ланц подумал, что эта жирная недоеная корова еще и пьяна.

– Исчезни, сестричка.

– Эстебан сказал, ты меня ищешь, нет?

Ланц уставился на нее.

– Кто?!

– Эстебан. Бармен.

Гарри все еще не мог смириться с очевидным.

– Должно быть, он ошибся. Я ищу Неузу Муньес.

– Si. Я и есть Неуза Муньес.

«Но явно не та. Вот дерьмо!» – подумал Гарри.

– Вы подруга Ангела?

– Si, – пьяно улыбнулась она.

Гарри взял себя в руки.

– Так-так, – протянул он, вымучив улыбку. – Не могли бы мы сесть за угловой столик и поговорить?

– Лана, – безразлично кивнула она.

Они с трудом протолкались сквозь толпу, забившую дымный бар, и, едва усевшись, Гарри начал:

– Я бы хотел поговорить о...

– купишь мне ром, si?

– Ясно дело, – кивнул Ланц.

Появился официант в грязном переднике, и Ланц попросил:

– Один ром и скотч с содовой.

– Мне двойной, лана? – вставила Муньес.

Официант отошел, и Ланц повернулся к ней:

– Я хочу встретиться с Ангелом.

Она изучала его тусклыми, водянистыми глазами.

– Зачем?

Ланц понизил голос:

– У меня для него небольшой подарок.

– Si? Что еще за подарок?

– Два миллиона долларов.

Официант принес выпивку. Гарри поднял стакан:

– Ваше здоровье.

– Ага.

Она одним глотком выпила ром.

– За что ты хочешь дать Ангелу два миллиона?

– А вот это я обсужу лично с ним.

– Не выйдет. Ангел ни с кем не встречается.

– Леди, за два миллиона долларов...

– Можно мне еще рома? Двойную, лана?

«Господи, да она же сейчас отключится».

– Конечно.

Ланц подозвал официанта и заказал ром.

– Давно знакомы с Ангелом? – небрежно спросил он.

Неуза пожала плечами:

– Ага.

– Должно быть, интересный он человек.

Пустые глаза были прикованы к пятну на столе.

«Иисусе! Разговариваю как с чертовой стеной!»

Неуза тем временем прикончила вторую порцию рома.

«Тело коровы и манеры свиньи»...

– Когда я могу поговорить с Ангелом?

Неуза с трудом поднялась из-за стола.

– Сказано уже! Он ни с кем не говорит. Пока.

Гарри вдруг охватила паника.

– Эй, минуточку! Не уходите!

Она остановилась и обернулась:

– Чего надо?

– Садитесь, – медленно произнес Ланц, – и я расскажу, что мне нужно.

Она тяжело плюхнулась на стул.

– Закажи еще рома, лана?

Гарри был окончательно сбит с толку.

«Что же за человек этот Ангел? Мало того что его любовница – самая уродливая девка во всей Южной Америке, она еще и алкоголичка!»

Ланц терпеть не мог иметь дела с пьяницами: они слишком ненадежны. С другой стороны, он ненавидел саму мысль о потере пятидесяти штук.

Поэтому он молча наблюдал, как Муньес залпом приканчивает выпивку. Интересно, сколько она выжрала до прихода сюда?

– Неуза, – улыбнулся он, – если я не могу поговорить с Ангелом, как вести с ним дела?

– Оч'просто. Скажи, что тебе нужно. Я передам Ангелу. Если он скажет «sí», я скажу «sí». Если скажет «no», я скажу «no».

Разве можно доверять такому посреднику? Но что оставалось делать?

– Вы слышали о Марине Грозе?

– Нет.

«Ну конечно, где ей слышать? Это же не марка рома. Глупая корова все перепутает и провалит сделку».

– Мне нужно выпить, лана?

Он потрепал ее жирную руку.

– Разумеется.

Пришлось снова заказать двойной ром.

– Ангел должен знать, кто такой Гроза. Вы передайте «Марин Гроза». Он поймет.

– Ага? И что потом?

«Она еще глупее, чем выглядит. Какого черта, по ее мнению, Ангел должен сделать за два миллиона долларов? Поцеловать Грозу?»

– Люди, пославшие меня, хотят его убрать, – осторожно пояснил Ланц.

– Что значит «убрать»? – пробормотала Неуза, хлопая глазами.

«Иисусе!»

– Убить.

– А... – Она равнодушно кивнула. – Спр'шу Ангела.

Ее язык заплетался все сильнее.

– Как, гришь, имя того типа?

Ему хотелось схватить ее за плечи и встряхнуть.

– Гроза. Марин Гроза.

– Ага. Моего бэби нет в городе. Позвоню ему сегодня, и

завтра встретимся здесь. Можно мне еще рома?

Похоже, Неуза Муньес станет его живым кошмаром.

Следующим вечером Гарри сидел за тем же столом от полуночи до четырех утра, когда бар закрывался. Муньес не явилась.

– Знаете, где она живет? – спросил Ланц бармена.

Тот невинно уставился на него:

– Понятия не имею.

Эта дрянь все изгадила! Разве может человек с репутацией Ангела связаться с этой пьяной коровой? Гарри гордился своим профессионализмом. И он слишком умен, чтобы заключить подобную сделку без предварительной проверки.

Он осторожно расспросил кое-кого и больше всего впечатлился тем, что Израиль назначил за голову Ангела миллион. На миллион баксов можно купить горы выпивки и кучу молоденьких шлюшек, так что на всю жизнь хватит. Что же, придется забыть об этом, как и о пятидесяти тысячах. Единственная связь с Ангелом разорвана. Остается только позвонить заказчику и признаться, что он все провалил.

Но Гарри решил повременить. Может, она еще вернется. Может, в других барах закончился ром. Может, его следовало хорошенько пнуть в зад за то, что согласился на это чертово поручение!

Глава 6

Назавтра Гарри уже в одиннадцать вечера сидел за тем же столиком в «Пилар», попеременно грызя арахис и ногти. В два часа ночи он увидел, как Неуза, спотыкаясь, вваливается в дверь, и на сердце сразу полегчало.

Она медленно проковыляла к столу и, пробормотав «привет», упала на стул.

– Что с вами случилось? – требовательно спросил он, едва сдерживая гнев.

Та моргнула:

– Чо?

– Мы должны были встретиться здесь вчера вечером.

– Ну?

– Мы назначили встречу, Неуза.

– О, я ходила с подругой в кино. Понимаешь, там такое кино... о парне, который влюбился в чертову монахиню и...

Ланц едва не заплакал от досады.

«Зачем Ангелу эта глупая пьяная корова? Должно быть, у нее золотая “киска”», – решил он.

– Неуза, вы не забыли поговорить с Ангелом?

Она тупо уставилась на него, пытаясь сообразить, о чем речь.

– С Ангелом? Si. Можно мне выпить?

Ланц заказал двойной ром для нее и двойной скотч для

себя. Он отчаянно нуждался в допинге.

– Ангел? О, он сказал «да». Все ОК.

Голова Гарри закружилась от облегчения.

– Превосходно!

Теперь он плевать хотел на свою миссию мальчика-по-сылного. В голове возникла идея получше. Пьяная корова может привести его к Ангелу. Миллион долларов награды.

Он наблюдал, как она сосет свою выпивку, проливая ром на и без того засаленную блузку.

– Что еще сказал Ангел?

Она сосредоточенно свела брови.

– Ангел, он хочет знать, кто твои люди.

Ланц обаятельно улыбнулся:

– Передайте, что это конфиденциальная информация. Я не могу ее раскрыть.

Она равнодушно кивнула.

– Тогда Ангел велел тебе отвалить. Закажи мне рома перед тем, как уйду.

Мозги Ланца работали с лихорадочной скоростью. Если она уйдет, он точно никогда больше ее не увидит.

– Я скажу вам, что собираюсь сделать. Позвоню людям, на которых работаю, и если они позволят, назову имя. ОК?

Неуза пожала плечами:

– Мне все равно.

– Верно, – терпеливо объяснял Ланц, – но Ангелу не все равно. Поэтому передайте, что к завтрашнему дню у меня

будет для него ответ. Есть место, где я смогу вас найти?

– Полагаю, что так.

Черт, он явно попал в точку!

– И где именно?

– Здесь.

Официант принес ее ром, и Неуза заглотала его жадно, как животное.

Ему хотелось ее убить.

Ланц позвонил за счет вызываемого абонента из телефонной будки на Калво-стрит, чтобы звонок невозможно было отследить. Дозвониться удалось только через час.

– Нет, – отрезал Контролер. – Я же сказал: никаких имен.

– Да, сэр, но возникла проблема. Неуза Муньес, любовница Ангела, говорит, что тот готов заключить контракт, но и пальцем не пошевелит, не узнав, с кем имеет дело. Я, естественно, сказал ей, что сначала должен спросить у вас.

– Что собой представляет эта женщина?

Контролер – не тот человек, с которым можно вести дурацкие игры.

– Жирная уродливая дура, сэр.

– Называть мое имя слишком опасно.

Гарри физически чувствовал, как сделка от него ускользает.

– Да, сэр, – серьезно заверил он. – Понимаю. Но видите ли, репутация Ангела основана на его способности держать

рот на замке. Если он начнет говорить, не протянет в этом бизнесе и пяти минут.

Последовало долгое молчание:

– Тут вы правы.

Повисла новая, еще более длительная пауза.

– Так и быть. Можете назвать Ангелу мое имя. Но он не должен никому его повторять и связываться со мной напрямую. Он работает только через вас.

Гарри был готов танцевать.

– Да, сэр. Я ему скажу. Спасибо, сэр.

Широко улыбаясь, он повесил трубку. Пятьдесят штук практически у него в кармане.

А потом награда в миллион долларов.

Вечером, встретившись с Неузой, он немедленно заказал двойной ром и радостно объявил:

– Все устроено. Я получил разрешение.

Она равнодушно взглянула на него.

– И что?

Он назвал ей имя нанимателя. Это имя знал весь мир, и он надеялся произвести впечатление. Но Неуза привычно пожала плечами:

– В жизни не слышала.

– Неуза, люди, на которых я работаю, хотят, чтобы дело было сделано как можно быстрее. Марин Гроза скрывается на вилле в Нейи, и...

– Где?

Господи всемогущий! Он общается с пьяной кретинкой!

– Это маленький город недалеко от Парижа. Ангел его знает, – терпеливо объяснил он.

– Мне нужно выпить.

Час спустя Неуза по-прежнему глотала ром, и на этот раз Гарри откровенно ее подпаивал.

«Уговаривать ее не надо, – думал он. – Скоро она дойдет до кондиции и обязательно приведет меня к своему другу. Остальное элементарно».

Он оглядел Неузу Муньес, смотревшую в стакан стеклянными глазами.

«Поймать Ангела будет нетрудно. Конечно, он твердый орешек, но вряд ли слишком умен».

– Когда Ангел возвращается в город?

Она с трудом сфокусировала на нем взгляд.

– На следующей неделе.

Гарри погладил ее руку.

– Почему бы нам не отправиться к тебе? – тихо спросил он.

– ОК.

Похоже, он в деле.

Неуза жила в убогой двухкомнатной квартирке в районе Бельграно. Комнаты были грязными и захлавленными, под

стать хозяйке. Не успев войти, Неуза, пошатываясь, поплелась к маленькому угловому бару.

– Как насчет выпивки?

– Я пас. А ты давай.

Он наблюдал, как она наливает и жадно пьет.

«Она самая уродливая, отвратительная корова из всех, кого я знал, но за миллион долларов...» – думал он.

Ланц оглядел тесное помещение. На журнальном столике громоздились книги. Заглавия поразили его: «Габриэла, корица и гвоздика» Жоржи Амаду, «Огонь с гор» Омара Кабесаса, «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса, «Ночные кошки» Антонио Сиснероса. Так Ангел к тому же интеллектурал! Книжки не вписывались в общую картину и совершенно не соответствовали ни квартире, ни женщине.

Ланц подошел к ней и обнял за талию в жировых складках.

– Знаешь, ты чертовски миленькая, – бормотал он, глядя ее груди размером с добрые арбузы. Ланц ненавидел женщин с большими грудями. – И у тебя классное тело.

– Чо?

Ее глаза словно подернулись пленкой.

Руки Ланца скользнули вниз и погладили ее объемистые бедра, натягивающие тонкий ситец юбки.

– Тебе хорошо? – прошептал он.

– Чо?

Так он ничего не добьется. Придется придумать другой

способ, чтобы затащить в постель эту амазонку. Но Ланц понимал, что нужно действовать осторожно. Если она оскорбится, то пожалуется Ангелу, и сделке конец. Может, попробовать умаслить ее... но она слишком пьяна, чтобы вникнуть в смысл его слов.

Пока Ланц отчаянно старался придумать нужный ход, Неуза промямлила:

– Хочешь потрахаться?

Он облегченно улыбнулся:

– Прекрасная мысль, бэби.

– Идем в спальню.

Она, пошатываясь, побрела по коридору. Ланц пошел следом. В спальне стояли шкаф с приоткрытой дверцей, большая незастланная кровать и бюро с потрескавшимся зеркалом над ним. Именно шкаф привлек внимание Гарри, вернее, висевшие в нем мужские костюмы.

Неуза уже сидела на кровати, неуклюже возясь с пуговицами на блузке. При обычных обстоятельствах Гарри Ланц уселся бы рядом, раздевая ее, лаская и бормоча на ушко возбуждающие непристойности. Но его тошнило от самого вида Муньес.

Он продолжал стоять, наблюдая, как ее юбка летит на пол. Под ней ничего не было. Голая она оказалась еще уродливее. Огромные груди висели до талии, а выступающий живот при малейшем движении дрожал, как желе. Жирные бедра представляли собой сплошную массу целлюлита.

«В жизни не видел такой вульгарной особы», – подумал Ланц, но тут же приказал себе собраться. Через несколько минут все будет кончено, зато миллиона баксов хватит на всю жизнь.

Он вынудил себя медленно раздеться. Она распростерлась на кровати, как некое морское чудовище, ожидая его, и он покорно забрался в постель.

– Что ты любишь?

– Чо? Шок'лад. Люблю шок'лад.

Она еще пьянее, чем он думал. Это здорово облегчит ему задачу.

Он стал ласкать ее дряблое, белое, как рыбье брюхо, тело.

– Знаешь, ты красивая женщина, солнышко.

– Чо?

– Ты мне очень нравишься, Неуза.

Его рука двинулась к заросшему волосами холмику между жирными ляжками. Пальцы стали описывать маленькие возбуждающие круги.

– Бьюсь об заклад, ты ведешь волнующую жизнь.

– Чо?

– Да ведь ты подружка Ангела. Это, должно быть, так интересно. Скажи мне, бэби, какой он, Ангел?

Последовало молчание, и он уже подумал, что Неуза заснула. Но, вставив пальцы в мягкую влажную расщелину между ног, почувствовал, как она пошевелилась.

– Не спи, дорогая. Еще не время. Какой он, Ангел? Кра-

савчик?

– Богатый. Ангел, он богатый.

Ланц продолжал работать рукой.

– Он добр к тебе.

– Да. Очень добр.

– Я тоже буду добр к тебе, бэби, – мягко пообещал он. Но проблема заключалась в том, что и все остальное оставалось мягким, а ему требовалась эрекция на миллион долларов.

Он заставил себя думать о сестрах Долли и о тех штуках, которые они проделывали с ним языками, пальцами и сосками. Пенис потихоньку начал твердеть. Он тут же вскарабкался на Неузу и, пока тот не обмяк, постарался действовать побыстрее.

«Господи, все равно что сунуть его в чертов пудинг».

– Тебе хорошо?

– Полагаю, все ОК.

Он был готов удушить ее. Десятки красивых женщин по всему миру считали его великолепным любовником, а эта жирная корова мямлит «полагаю, все ОК».

Он быстрее задвигал бедрами.

– Расскажи об Ангеле. Кто его друзья.

– Нет у него друзей. Я его друг, – сонно пробормотала она.

– Конечно, ты, крошка. Ангел живет здесь, с тобой, или у него свой дом?

Неуза закрыла глаза.

– Эй, я сплю. Когда кончишь?

«Никогда, – подумал он. – Только не с тобой».

– Я уже кончил, – солгал он.

– Тогда давай спать.

Он откатился от нее и лег рядом, изнемогая от злости.

«Почему Ангел не завел нормальную любовницу? Молодую, красивую, с горячей кровью?»

Тогда он без труда получил бы необходимую информацию. Но эта глупая корова... впрочем, есть и другие способы.

Ланц долго лежал не шевелясь, пока не убедился, что Неуза заснула. И только тогда осторожно встал и подкрался к шкафу. Включил там лампочку и прикрыл дверцу, чтобы свет не потревожил храпящего бегемота.

На вешалке висело с дюжину костюмов, деловых и спортивных, внизу стояли шесть пар мужской обуви. Ланц распахнул пиджаки и проверил этикетки. Все костюмы сшиты на заказ портным Эррерой с авениды Ла Плата. Туфли марки «Вилл».

Ланц торжествовал. Он сорвал джек-пот! У портного и обувщика наверняка имеются адреса Ангела! Завтра он первым делом пойдет в магазин и задаст несколько вопросов.

Но в голове предостерегающе завывла сирена. Нет. Никаких вопросов. Это глупо. Ведь он имеет дело с киллером мирового класса. Безопаснее, если Неуза приведет его к Ангелу. Тогда останется только известить своих друзей в МОС-САДе и забрать награду. Он еще покажет Неду Тиллингасту

и всей этой компашке из ЦРУ, что старина Гарри Ланц не потерял хватки. Эти мозговитые мальчишки ноги стерли, гоняясь за Ангелом, но только он достаточно умен, чтобы повернуть дельце.

Ему показалось, что с кровати донесся какой-то звук. Ланц осторожно выглянул из приоткрытой дверцы, но Неуза по-прежнему спала.

Ланц выключил свет в шкафу и подошел к ней. Глаза Неузы были закрыты. Ланц подобрался к бюро и стал выдвигать ящики в надежде найти фотографию Ангела. Это очень помогло бы. Увы, ему не повезло.

Он снова забрался в постель. Неуза громко храпела.

Гарри наконец тоже заснул и видел во сне белую яхту, битком набитую красивыми голыми девушками с маленькими упругими грудями.

Когда он проснулся утром, Неузы рядом не было. Ланц на секунду запаниковал. Неужели она уже отправилась на встречу с Ангелом?

Но он тут же услышал шум на кухне и поспешил одеться. Неуза стояла у плиты.

– Добрый день, – поздоровался по-испански Ланц.

– Х'чешь кофе? – буркнула Неуза. – Завтрак готовить не буду. У меня свидание.

«С Ангелом».

Ланц пытался скрыть возбуждение.

– Ничего страшного. Я не голоден. Иди на свое свидание, а позже мы встретимся и пообедаем вместе.

Он обнял ее, лаская обвисшие груди.

– Где хочешь пообедать? Для моей девочки все самое лучшее, – промурлыкал он и подумал, что ему следовало быть актером.

– Мне все одно.

– Знаешь «Чикиун», на авенида Кангалло?

– Нет.

– Тебе понравится. Давай я зайду за тобой в восемь. Сегодня у меня много дел, – солгал он.

– ОК.

Ему понадобилась вся сила воли, чтобы наклониться и поцеловать на прощание Неузу в дряблые, мокрые, омерзительные губы.

– Ровно в восемь.

Он вышел на улицу и поймал такси в надежде, что Неуза наблюдает из окна.

– На следующем углу сверните направо, – велел он водителю.

Когда они завернули за угол, он коротко объявил:

– Я выхожу.

Водитель удивленно уставился на него:

– Вы хотели проехать всего квартал, сеньор?

– Совершенно верно. Больная нога. Военная рана.

Он заплатил и поспешил в табачную лавку напротив дома

Неузы. Закурил и стал ждать.

Минут через двадцать она вышла из дома. Проследив, как Неуза вразвалку тащится по улице, он последовал за ней на безопасном расстоянии. Потерять ее не представлялось возможным. Все равно что упустить «Лузитанию».

Неуза Муньес, похоже, не спешила. Прошла по авенида Бельграно, мимо Испанской библиотеки, затем – по авенида Кордова. Зашла в «Беренес», магазин изделий из кожи на Сан-Мартин. Ланц стоял на противоположной стороне улицы и смотрел, как она болтает с продавцом. Интересно... магазин может быть местом связи с Ангелом? Нужно его запомнить.

«Но что, черт возьми, с ее свиданием? – гадал Ланц. – Где Ангел?»

Он не поверил, когда Неуза сказала, что Ангела нет в городе. Интуиция подсказывала: тот где-то поблизости.

И вдруг он сообразил, что Неузы нигде нет. Она свернула за угол и исчезла.

Он ускорил шаги, но и за углом не увидел ее. По обеим сторонам улицы тянулись маленькие магазинчики. И Ланц осторожно двинулся вперед, заглядывая в витрины и опасаясь, что Неуза заметит его раньше.

Наконец он обнаружил ее в бакалейном магазине, где она покупала продукты. Для себя или ожидает кого-то на ленч? Кого-то по имени Ангел.

Потом Неуза отправилась к зеленщику за фруктами и ово-

щами.

Он проводил ее до дома. Похоже, никаких подозрительных встреч у нее не было.

Следующие четыре часа он наблюдал за домом Неузы с противоположной стороны улицы, время от времени прогуливаясь, чтобы не привлекать внимания, и наконец решил, что Ангел не придет.

«Может, удастся вытащить из нее что-нибудь сегодня вечером, – подумал он, – и не придется даже ее трахать».

При мысли о том, чтобы снова заняться любовью с Неузой, ему становилось дурно.

А в Вашингтоне уже спускались сумерки. Для Пола Эллисона это был длинный день. Казалось, весь мир состоял из комитетов, советов, срочных телеграмм, секретных совещаний, заседаний, и у него не было ни минуты покоя. До этого момента он ни разу не оставался один. Впрочем, он и сейчас был не один. Сидел вместе с Роджерсом в Овальном кабинете и чувствовал, как впервые за день немного расслабляется.

– Я отнимаю тебя у семьи, Стен.

– Ничего страшного, Пол.

– Я хотел поговорить с тобой насчет проверки Мэри Эшли. Как она продвигается?

– Почти закончена. Завтра или послезавтра представим результаты. Пока все выглядит прекрасно. Ты буквально за-

разил меня этой мыслью. Думаю, она сработает.

– Заставим сработать. Хочешь еще выпить?

– Нет, спасибо. Если я тебе больше не нужен, сегодня веду Барбару на премьеру в Кеннеди-центр.

– Да, разумеется, – кивнул Пол. – Нам с Элис предстоит принимать ее родственников.

– Передай привет Элис, – улыбнулся Стентон, поднимаясь.

– А ты – Барбаре.

Пол проводил взглядом Роджерса и снова вернулся мыслями к Мэри.

Вечером, когда Гарри пришел к Неузе и постучал, никто не ответил. Ему стало не по себе. Неужели она успела удрать?

Он повернул ручку – дверь оказалась не заперта. А если Ангел здесь и он его встретит? Вдруг он решил обсудить контракт с глазу на глаз?

Гарри принял деловой вид и вошел.

Комната оказалась пуста.

– Привет.

Вновь не получив ответа, он зашел в спальню. Неуза лежала поперек кровати. Она снова была пьяна.

– Ты, тупая...

Он вовремя осекся. Не стоит забывать, что эта глупая пьяная девка – его золотая жила.

Он сжал ее плечи, пытаясь разбудить.

Она открыла глаза.

– Чего тебе?

– Я волновался, – пояснил Ланц, его голос просто сочился искренностью. – Не могу видеть тебя несчастной и думаю, ты пьешь, потому что кто-то тебя обидел. Я твой друг. Мне все можно рассказать. Это Ангел, верно?

– Ангел, – промямлила она.

– Уверен, он славный малый, – утешил Ланц. – Просто вы немного не поняли друг друга, верно?

Он попытался уложить ее поудобнее. Все равно что тащить на берег кита.

Наконец это ему удалось, и он сел рядом.

– Расскажи об Ангеле, – попросил Ланц. – Что с ним не так?

Неуза попыталась сфокусировать на нем ускользающий взгляд.

– Давай трахнемся.

«О, Иисусе»... Похоже, его ждет долгая ночь.

– Конечно. Классная идея.

Он стал неохотно раздеваться.

Проснувшись утром, он вспомнил, что было ночью, и ему стало дурно.

Неуза разбудила его далеко за полночь.

– Знаешь, что мне от тебя нужно? – промычала она, но

объяснила на удивление ясно.

Он слушал, не веря ушам, но сделал все, что она потребовала. Он не мог позволить себе оттолкнуть ее. Она – рехнувшееся, дикое, извращенное животное, и Ланц невольно задался вопросом, прodelывал ли с ней Ангел нечто подобное. При мысли, через что ему пришлось пройти, хотелось блевать.

Из ванной донеслось фальшивое пение Неузы. Меньше всего он готов был ее увидеть.

С него достаточно. Если она сегодня же утром не скажет, где Ангел, он пойдет к портному и обувщику.

Откинув одеяло, он поднялся и вошел в ванную. Неуза стояла перед зеркалом. Волосы были накручены на огромные бигуди, в которых она выглядела еще уродливее, если это вообще возможно.

– Нам нужно поговорить, – решительно заявил он.

– Ясно дело.

Неуза показала на ванну, полную воды.

– Когда вымоешься, я приготовлю завтрак.

Ланца снедало нетерпение, но он понимал, что слишком давить не стоит.

– Любишь омлет?

У него не было аппетита.

– Да. Звучит классно.

– Я делаю хорошие омлеты. Ангел научил.

Ланц наблюдал, как Неуза вынимает из волос огромные

бигуди. Немного подождав, он ступил в ванну.

Неуза взяла большой фен, включила и стала сушить волосы.

Ланц лежал в воде и думал:

«Может, стоит взять пистолет и самому захватить Ангела? Если предоставить все израильтянам, они могут заинтересоваться, кто требует награду. А так не будет никаких вопросов. Я только укажу им, где забрать тело.

Неуза что-то произнесла, но Ланц не расслышал за ревом фена.

– Что ты сказала? – крикнул он.

Неуза подошла к ванне.

– У меня для тебя подарок от Ангела, – четко выговорила она и, бросив фен в воду, спокойно смотрела, как дергается тело Гарри в танце смерти.

Глава 7

Президент Пол Эллисон отложил отчет службы безопасности, проверявшей Мэри Эшли, и констатировал:

– Ни пятнышка, Стен.

– Знаю. Думаю, она идеальный кандидат. Конечно, Госдеп этому не обрадуется.

– Пошлем им полотенца утирать слезы. А теперь давай надеяться, что сенат нас поддержит.

Кабинет Мэри Эшли в Кедзи-зале представлял собой маленькую уютную комнатку, уставленную книжными полками, забитыми справочниками по странам Средней Европы. Немногочисленная мебель состояла из обшарпанного письменного стола с вертящимся креслом, маленького столика, заваленного экзаменационными работами, стула со спинкой из горизонтальных перекладин и лампы для чтения. На стене за письменным столом висела карта Балкан. На другой – старая фотография деда Мэри. Снимок был сделан в начале века, и человек на фото, одетый в костюм того времени, стоял в скованной, неестественной позе. Снимок являлся одним из сокровищ Мэри. Именно дед разбудил в ней глубокий интерес к Румынии: рассказывал романтические истории о королеве Марии, баронессах и княгинях, об Альберте, английском принце-консорте, Александре II, русском царе и

других удивительных личностях.

«В нашем роду есть люди с королевской кровью. Если бы не революция, ты была бы княжной».

Ей часто снились сны о несбывшемся прошлом.

Мэри проверяла экзаменационные работы, когда в кабинете появился декан Хантер.

– Доброе утро, миссис Эшли. У вас найдется свободная минута?

За пять лет декан впервые посетил ее кабинет.

Мэри воодушевилась. Имелась только одна причина, по которой декан пришел сюда сам: университет собирается заключить с ней постоянный контракт.

– Конечно. Прошу вас, садитесь.

Он уселся на стул.

– Как ваши занятия?

– Все прекрасно.

Ей не терпелось рассказать новости Эдварду. Он будет так горд. Нечасто преподавателю ее возраста предлагали постоянный контракт.

Но декан явно нервничал.

– У вас неприятности, миссис Эшли?

Вопрос застал ее врасплох.

– Неприятности? Я... нет. Почему вы спрашиваете?

– Какие-то люди из Вашингтона пришли ко мне и задавали о вас вопросы.

Мэри вспомнила слова Флоренс Шиффер:

«Какие-то федеральные агенты из Вашингтона... Они задавали кучу вопросов о Мэри. Такое впечатление, будто ее считают международной шпионкой. Лояльная ли она американка? Хорошая ли жена и мать?..»

Значит, дело не в постоянном контракте.

– Что... что они хотели знать, декан Хантер? – растерялась она.

– Расспрашивали о вашей репутации преподавателя и личной жизни.

– Я ничего не могу объяснить. Потому что действительно не знаю, что происходит. У меня нет никаких неприятностей. Насколько мне известно... – запинаясь ответила она.

Он недоверчиво уставился на нее.

– А они не сказали, почему мной интересуются?

– Нет. Собственно говоря, меня просили держать разговор в секрете, но я хорошо отношусь к своим подчиненным и посчитал справедливым уведомить вас об этом. Если есть что-то, о чем я должен знать, предпочитаю услышать это от вас. Любой скандал с участием нашего преподавателя дурно отразится на репутации университета.

Мэри беспомощно покачала головой:

– Я... мне нечего сказать.

Он снова взглянул на нее, словно желая что-то добавить, но лишь молча кивнул.

– Значит, пока наш разговор закончен, миссис Эшли.

Он ушел, оставив Мэри беспомощно сидеть за столом.
«Что, во имя Господа Бога, я могла натворить?»

За обедом она почти не разговаривала. Ждала, пока Эдвард поест, прежде чем сообщить о сегодняшнем происшествии. Они вместе попытаются понять, в чем проблема. Дети снова вели себя невыносимо. Бет не притронулась к еде.

– Никто больше не ест мяса. Этот варварский обычай перешел к нам от пещерных предков. Цивилизованные люди не питаются живыми животными.

– Они не живые, – возразил Тим. – Они мертвые, так что можешь спокойно есть.

– Дети!

Мэри едва сдерживалась.

– Больше ни слова. Бет, пойди сделай себе салат.

– Она вполне может попасться на лугу, – предложил Тим.

– Тим! Доедай скорее!

Голова снова разболелась.

– Эдвард...

Пронзительно зазвенел телефон.

– Это меня!

Бет вскочила и, бросившись к аппарату, подняла трубку.

– Верджил? – томно проговорила она.

Немного послушала и, швырнув трубку, вернулась к столу, презрительно бросив:

– Ну да, конечно!

– В чем дело? – поинтересовался Эдвард.

– Дурацкий розыгрыш. Какому-то психу вздумалось пошутить. Сказал, что маму вызывает Белый дом.

– Белый дом? – переспросил Эдвард.

Телефон зазвонил снова.

– Я сама подойду! – поднялась Мэри.

Она слушала, и лицо ее мрачнело все больше:

– Простите, мы обедаем, и мне это не кажется смешным.

Нельзя же... Что? Кто? Президент?

В комнате стало тихо.

– Подождите... э... я... Добрый вечер, мистер президент, – ошеломленно бормотала Мэри. Остальные смотрели на нее, вытаращив глаза.

– Да, сэр, я узнаю ваш голос. Простите, что в первый раз повесили трубку. Бет подумала, что это Верджил... и... да, сэр. Спасибо.

Она молча слушала.

– Готова ли я стать кем?

Кровь внезапно бросилась в лицо.

Эдвард встал и подошел к ней. Дети последовали за ним.

– Должно быть, это какая-то ошибка, мистер президент. Меня зовут Мэри Эшли. Я преподаватель университета штата Канзас, и... Вы читали? Спасибо, сэр... очень любезно с вашей стороны.

Снова длинная пауза.

– Да, сэр, согласна. Но это не означает, что я... Да, сэр.

Да, сэр. Понимаю. И конечно, польщена. Уверена, что это великолепная возможность, но я... Конечно. Я поговорю с мужем и свяжусь с вами.

Она взяла ручку и записала номер.

– Да, сэр, мне все ясно. Спасибо, мистер президент. До свидания.

Она медленно положила трубку и потрясенно оглянулась.

– Что, во имя Господа, все это значит? – допытывался Эдвард.

– Это правда был президент? – спросил Тим.

Мэри опустилась на стул:

– Чистая правда.

Эдвард взял руку жены:

– Мэри... что он сказал? Чего хотел?

Мэри не могла произнести ни слова.

«Так вот что означали эти расспросы».

Подняв глаза, она медленно выговорила:

– Президент читал мою книгу и статью в журнале «Форин афферс» и посчитал их блестящими. Сказал, что именно люди с таким мышлением необходимы для его программы «народной дипломатии». Он хочет назначить меня послом в Румынию.

– Тебя? Но почему именно тебя? – недоуменно допытывался Эдвард.

Как раз этот вопрос Мэри и задавала себе. Но сейчас посчитала, что Эдвард мог быть более тактичен. В этой ситуа-

ции ему следовало бы воскликнуть: «Как чудесно! Из тебя выйдет замечательный посол!»

Но он смотрит на вещи реально. И в самом деле, почему она?

– У тебя нет никакого опыта политической работы.

– Я прекрасно это сознаю, – язвительно ответила Мэри. – И согласна, что все это чистый абсурд.

– Собираешься быть послом? – спросил Тим. – И мы переедем в Рим?

– В Румынию.

– А где эта Румыния?

Эдвард повернулся к детям:

– Доедайте обед. Мы с мамой должны поговорить наедине.

– А мы имеем право голоса? – не удержался Тим.

– Только совещательный, – постановил Эдвард и увел Мэри в библиотеку.

– Прости, что вел себя как напыщенный осел. Просто...

– Нет. Ты прав, Эдвард. Почему они выбрали именно меня?

Когда Мэри называла его Эдвардом, сразу становилось ясно – он влип.

– Милая, из тебя, возможно, выйдет великий посол или госпожа посол, как там сейчас говорится. Но ты должна признать, что это было небольшим потрясением.

Мэри мгновенно смягчилась.

– Скорее ударом молнии, – уточнила она и рассмеялась. – Все равно не могу поверить. Флоренс просто умрет!

Эдвард не сводил с нее глаз.

– Тебя это предложение волнует, не так ли?

– Ну конечно, – удивилась она. – А тебя бы не волновало?

– Это большая честь, солнышко, – начал Эдвард, тщательно выбирая слова. – И я уверен, что такие предложения не делаются абы кому. У них должны быть веские причины выбрать именно тебя. – Он немного поколебался, прежде чем добавить: – Мы должны все очень хорошо обдумать. Понять, как это повлияет на нашу жизнь.

Мэри знала, о чем думает муж, и посчитала, что он прав. Ну конечно, прав.

– Я не могу просто так бросить практику и своих пациентов. Мне придется остаться здесь. Не знаю, сколько ты будешь отсутствовать, но если это действительно так много значит для тебя, может, мы сумеем что-то придумать. Ты уедешь с детьми, а я буду приезжать, когда...

– Ты безумен, – тихо перебила Мэри, – если думаешь, что я смогу жить без тебя.

– Но... это ужасно большая честь и...

– Ужасно большая честь – быть твоей женой. Ничто на свете не значит для меня так много, как ты и дети. Я никогда тебя не оставлю. Этому городу не найти другого такого же хорошего доктора, но чтобы отыскать лучшего посла, чем я, правительству достаточно перелистать «Желтые страницы».

– Ты уверена? – спросил Эдвард, обнимая ее.

– Абсолютно. Но так приятно, когда тебя просят стать послом. Этого достаточно...

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались дети.

– Я только что позвонила Верджилу и сказала, что ты будешь послом, – объявила Бет.

– В таком случае тебе лучше перезвонить ему и сказать, что этого не произойдет.

– Но почему? – воскликнула Бет.

– Потому что твоя мама хочет остаться здесь.

– Почему? – заныла Бет. – Я никогда не была в Румынии. И вообще нигде не была.

– Я тоже, – поддакнул Тим. – Бет, говорил я тебе, что нам не избавиться от этого места.

– Тема закрыта, – отрезала Мэри.

Наутро она набрала оставленный президентом номер и, услышав ответ телефонистки, объяснила:

– Это миссис Эдвард Эшли. Думаю, помощник президента мистер Грин ожидает моего звонка.

– Минуту, пожалуйста.

– Здравствуйте, миссис Эшли, – произнес мужчина на другом конце линии.

– Здравствуйте. Вы не передадите президенту мои слова?

– Разумеется.

– Пожалуйста, скажите ему, что я очень, очень польщена

его доверием. Но профессия моего мужа не позволяет ему оставить город. Боюсь, я не могу согласиться на его предложение. Надеюсь, он поймет.

– Я все ему передам, – бесстрастно ответил мужчина. – Спасибо, миссис Эшли.

Разговор был окончен.

Мэри медленно положила трубку. Все.

На короткий миг ей подарили потрясающую мечту. Вот именно. Всего лишь мечту.

«А это мой реальный мир. И лучше мне подготовиться к следующей лекции по политологии».

Манама, Бахрейн

Белый каменный дом ничем не отличался от десятков таких же, выстроенных неподалеку от «souks», больших живописных базаров под открытым небом. Этим домом владел торговец, сочувствовавший организации, известной как «Патриоты свободы».

– Дом нам понадобится всего на день, – объяснили ему по телефону.

Хозяин не возражал. И вот уже председатель говорил с людьми, собравшимися в гостиной.

– Возникла проблема. Недавно принятое решение оказалось под угрозой.

– Какой именно? – спросил Бальдр.

– Гарри Ланц, посредник, которого мы выбрали, мертв.

– Мертв? Именно сейчас?

– Убит. Его тело плавало в гавани Буэнос-Айреса.

– Полиция уже знает, кто это сделал? Хочу сказать... нельзя ли это каким-то образом связать с нами?

– Нет. Мы в полной безопасности.

– Но как быть с нашим планом? – осведомился Тор. – Есть возможность его выполнить?

– Пока нет. Мы понятия не имеем, как найти Ангела. Однако Контролер разрешил Гарри Ланцу назвать Ангелу его имя. Если Ангел заинтересуется нашим предложением, значит, найдет способ связаться с ним. Нам остается только ждать.

Аршинный заголовок на первой странице городской «Дейли юнион» гласил:

МЭРИ ЭШЛИ ИЗ ДЖАНКШН-СИТИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ПОСЛА!!!

Ниже шла статья о Мэри на две колонки, дополненная ее фотографией. Дневные и вечерние телепередачи были посвящены биографии новой городской знаменитости. То обстоятельство, что Мэри Эшли отказалась от предложения президента, придавало еще большей остроты всей истории. В глазах гордых граждан Джанкшн-Сити штат Канзас был

куда важнее Румынии.

Когда Мэри Эшли поехала за продуктами, из радиоприемника в машине непрерывно несло ее имя.

«...Ранее президент Эллисон объявил, что назначение посла в Румынию станет началом его программы “народной дипломатии”, краеугольным камнем внешней политики. Как отказ Мэри Эшли принять пост отразится на...»

Она переключилась на другую станцию.

«...замужем за доктором Эдвардом Эшли, и считается, что...»

Мэри выключила радио. Сегодня утром ей позвонили десятка три друзей, соседей, студентов и любопытствующих незнакомцев. Репортеры звонили даже из Лондона и Токио.

«Делают из мухи слона, – думала Мэри. – Не моя вина, что президент решил строить успешную внешнюю политику именно в Румынии. И сколько продлится эта суматоха? Возможно, через день-другой все закончится».

Она свернула к автозаправке «Дерби» и остановилась у колонки самообслуживания. Едва она вышла из машины, к ней поспешил управляющий мистер Блаунт.

– Доброе утро, миссис Эшли. Леди посол не будет сама наливать бензин в машину. Позвольте мне помочь.

– Спасибо, я привыкла, – улыбнулась Мэри.

– Нет-нет, я настаиваю.

Когда бак был заполнен, Мэри поехала по Вашингтон-стрит и припарковалась перед обувной мастерской «Шу

Бокс».

– Доброе утро, миссис Эшли, – приветствовал приемщик. – Как поживает сегодня утром госпожа посол?

Мэри подумала, что это начинает утомлять, но вслух терпеливо произнесла:

– Я не посол, но все прекрасно, спасибо. – И, протянув ему пару туфель, добавила: – Сделайте, пожалуйста, набойки на туфли Тима.

Приемщик осмотрел каблуки:

– Это не те самые, что мы чинили на прошлой неделе?

– И на позапрошлой тоже, – вздохнула Мэри.

Следующая остановка была около универмага «Лонг». Миссис Хакер, заведующая отделом женской одежды, сообщила:

– Я только что слышала по радио ваше имя. Вы прославили Джанкшн-Сити. Вы, Эйзенхауэр и Альф Лэндон – единственные большие политические шишки Канзаса, миссис посол.

– Я не посол, – в который раз повторила Мэри. – Отказалась от предложения.

– Именно это я и имела в виду.

Все бесполезно.

– Мне нужны джинсы для Бет. Предпочтительно из железа.

– Сколько ей сейчас? Около десяти?

– Двенадцать.

– Господи Боже, как же быстро они растут! Не успеем оглянуться, станет подростком.

– Бет родилась подростком, миссис Хакер.

– А как Тим?

– Очень похож на Бет.

Покупки отняли у Мэри вдвое больше времени. Каждому встречному не терпелось прокомментировать великие новости. Она зашла к Диллону купить продукты и изучала полки, когда появилась миссис Диллон.

– Доброе утро, миссис Эшли.

– Доброе утро, миссис Диллон. У вас есть еда для завтраков, которая ничего не содержит?

– Это как?

Мэри сверилась со списком.

– Никаких искусственных подсластителей, натрия, жиров, углеводов, кофеина, карамельных красителей, фолиевой кислоты и ароматизаторов.

Миссис Диллон взяла у нее список.

– Это нечто вроде медицинского эксперимента?

– В некотором смысле. Это для Бет. Она ест только натуральные продукты.

– Почему бы не пустить ее на луг попасться?

– Именно это предложил мой сын, – рассмеялась Мэри и, взяв пакет, стала изучать этикетку.

– Моя вина. Не следовало учить Бет читать.

Мэри осторожно поднималась на холм, ведущий к озеру Милфорд. Было всего несколько градусов выше нуля, но студеный ветер, беспрепятственно гуляя по бесконечным равнинам, усиливал ощущение холода. Газоны покрывал снег, и Мэри вспомнила прошлую зиму с ледяными дождями, когда под тяжестью наледи порвались линии электропередач. Электричества не было почти неделю. Тогда они с Эдвардом каждую ночь занимались любовью.

Мэри ухмыльнулась: «Может, повезет и этой зимой».

Приехав домой, Мэри обнаружила, что Эдвард все еще в больнице. Тим в кабинете смотрел научно-фантастическую программу. Мэри убрала продукты и отправилась читать нотацию сыну:

– Разве ты не должен делать домашнее задание?

– Не могу.

– Почему бы это?

– Потому что не понимаю.

– Вряд ли «Звездный путь» поможет тебе лучше усвоить материал. Давай я посмотрю.

Тим показал ей учебник математики за пятый класс.

– Тупые задачи, – буркнул он.

– Нет таких вещей, как тупые задачи. Есть только тупые ученики.

Она стала читать задачу вслух:

– «В поезде, выходящем из Миннеаполиса, едут сто сорок девять пассажиров. В Атланте на поезд сели новые пассажиры. Теперь их стало двести двадцать три человека. Сколько людей сели на поезд в Атланте?» Тим, ну это совсем просто. Нужно вычесть сто сорок девять из двухсот двадцати трех.

– Вовсе нет, – мрачно буркнул Тим. – Нужно составить уравнение. Сто сорок три плюс N равняется двумстам сорока трем минус сто сорок девять. N равняется семидесяти четырем.

– Совершенно тупая задача, – решила Мэри.

Проходя мимо комнаты Бет, она услышала шум и вошла. Бет сидела на полу и, скрестив ноги, смотрела телевизор, одновременно слушая рок и делая домашнее задание.

– Как можно сосредоточиться в таком шуме? – крикнула Мэри и, подойдя к телевизору, выключила сначала его, а потом и плеер.

Бет подняла удивленные глаза:

– Зачем, ма? Это был Джордж Майкл.

Стены комнаты пестрели постерами с портретами музыкантов: группа «Кисс» и Ван Хален, «Мотли Крю», Альдо Нова и Дэвид Ли Рот.

На кровати валялись журналы «Севентин», «Тин Айдл» и с полдюжины других в том же роде. Одежда была разбросана по полу.

Мэри в отчаянии оглядела весь этот беспорядок:

– Бет... как ты можешь так жить?

Бет недоуменно уставилась на мать:

– Жить? Как именно?

Мэри скрипнула зубами.

– Никак.

И, заметив конверт на письменном столе, спросила:

– Пишешь Рику Спрингфилду?

– Я в него влюблена.

– А я думала, ты влюблена в Джорджа Майкла.

– Я сгораю по Джорджу Майклу, но влюблена в Рика Спрингфилда. Ма, неужели в твоё время такого не было?

– В моё время мы были слишком заняты, перегоняя фургоны поселенцев через всю страну.

Бет вздохнула:

– Знаешь, какое паршивое детство было у Рика Спрингфилда?

– Откровенно говоря, Бет, понятия не имею.

– О, это ужасно. Его отец был военным, и они часто переезжали. Он тоже вегетарианец. Как я. Он супер!

«Так вот в чём причина безумной диеты Бет!»

– Мама, можно, я в субботу вечером пойду в кино с Верджилом?

– Верджил? А что случилось с Арнольдом?

Молчание.

– Арнольд распускал руки. Он отстой!

Мэри заставила себя говорить спокойно:

– Под «распускать руки» ты имеешь в виду...

– Только потому, что у меня начали расти груди, мальчишки воображают, будто я на все готова. Мама, ты когда-нибудь смущалась из-за своего тела?

Мэри обняла дочь:

– Да, дорогая. В твоём возрасте я тоже чувствовала себя неловко.

– Ненавижу месячные и груди и когда волосы повсюду. Почему?

– Такое бывает с каждой девочкой, и ты к этому привыкнешь.

– Не привыкну, – свирепо прошипела Бет, отстраняясь. – Я не против любви, но секс?! Никогда! Никто меня не заставит. Ни Арнольд, ни Верджил, ни Кевин Бэйкон.

– Что же, если таково твоё решение... – серьёзно начала Мэри.

– Определенно. Ма, что ответил президент Эллисон, когда ты отказалась стать его послом?

– Он вынес это с честью, – заверила Мэри. – Думаю, пора готовить обед.

Мэри ненавидела готовить и, как следствие, не умела этого делать. А поскольку во всем стремилась быть первой, не терпела стряпню еще больше. Из этого порочного круга имелся выход: трижды в неделю приходила Люсинда, готовила и убирала дом. Но сегодня у нее был выходной.

Когда Эдвард вернулся домой, Мэри была на кухне и успела сжечь горошек. Выключив плиту, она поцеловала мужа:

– Привет, дорогой. Как прошел день? Полный отстой?

– Ты общалась с нашей дочерью, – констатировал Эдвард. – Собственно говоря, это действительно был полный отстой. Сегодня я принял тринадцатилетнюю девочку с генитальным герпесом.

– О, дорогой!

Мэри выбросила горошек и открыла банку с томатами.

– Знаешь, я начинаю тревожиться за Бет.

– Не стоит, – заверила Мэри. – Она собирается умереть девственницей.

За обедом Тим спросил:

– Па, может, подарите мне на день рождения доску для серфинга?

– Тим, не хотелось бы портить тебе настроение, но напоминаю, что ты живешь в Канзасе.

– Знаю. Джонни на следующее лето пригласил меня на Гавайи. У его родителей пляжный домик в Мауи.

– Ну, – рассудил Эдвард, – если у Джонни есть пляжный дом, значит, имеется и доска для серфинга.

– Можно мне поехать, ма?

– Посмотрим. Пожалуйста, Тим, не ешь так быстро. Бет, ты опять ни к чему не притронулась.

– Здесь нет ничего подходящего для правильного пищеварения. И кстати, я должна сделать объявление. Собираюсь сменить имя.

– Есть какая-то причина? – осторожно спросил Эдвард.

– Я решила попробовать силы в шоу-бизнесе.

Мэри и Эдвард обменялись долгим страдальческим взглядом.

– Ладно, – произнес наконец Эдвард. – Узнай, сколько можно за них выручить.

Глава 8

В 1965 году международные спецслужбы потряс скандал. Мехди бен Барку, противника марокканского короля Гассана II, находившегося в женеvской ссылке, заманили в Париж и убили с помощью французских спецагентов. После этого инцидента президент Шарль де Голль вывел спецслужбу из ведения премьер-министра и отдал под эгиду Министерства обороны. Таким образом, отныне Ролан Пасси, нынешний министр обороны, лично отвечал за безопасность Марина Грозы, получившего политическое убежище от французского правительства. Перед виллой в Нейи круглые сутки дежурили жандармы, но главное, сам Лев Пастернак обеспечивал безопасность виллы. Пасси лично ознакомился с системой охраны и был твердо убежден, что дом неприступен.

Последние недели в дипломатических кругах ходили слухи, что государственный переворот в Румынии неизбежен. Марин Гроза собирается вернуться на родину, а старшие военные чины намерены избавиться от Александру Ионеску.

Лев постучал и вошел в забитую книгами библиотеку, служившую Грозе кабинетом. Тот работал за письменным столом и, услышав шаги, поднял глаза.

– Все хотят знать, когда свершится революция, – объявил Пастернак. – Самый плохо охраняемый в мире секрет.

– Передай, чтобы набрались терпения. Ты поедешь со

мной в Бухарест, Лев?

Больше всего на свете Лев мечтал вернуться в Израиль.

– Для меня это временная работа, – сказал он тогда Марину. – Пока ты не начнешь действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.